

Великие битвы
Великой Отечественной

Сергей Алексеев

ПОБЕДА ПОД КУРСКОМ

1943

ИЗГНАНИЕ ФАШИСТОВ

1943–1944

Великие битвы Великой Отечественной

Сергей Алексеев

**Победа под Курском. 1943.
Изгнание фашистов. 1943 — 1944**

Издательство «Детская литература»

1975

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алексеев С. П.

Победа под Курском. 1943. Изгнание фашистов. 1943 —1944
/ С. П. Алексеев — Издательство «Детская литература»,
1975 — (Великие битвы Великой Отечественной)

ISBN 978-5-08-005503-4

Автор – известный детский писатель, участник Великой Отечественной войны (1941–1945) – рассказывает младшим школьникам о ее главных битвах. Шесть книг серии описывают подвиг нашего народа в освобождении родной страны и Европы от фашистских захватчиков. Пятая книга серии посвящена победе под Курском (1943) и изгнанию фашистов с советских земель (1943–1944). 70-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005503-4

© Алексеев С. П., 1975
© Издательство «Детская
литература», 1975

Содержание

Победа под Курском. 1943	7
Первые залпы	10
Звероловы	12
Особые	15
Железный батальон	17
Гвардейский аппетит	19
Трубка	21
Вальс Добрянского	23
Горовец	25
Три подвига	27
Черный день	29
Николаев	31
Добрыня	33
Курские соловьи	35
Генералы против фельдмаршалов	37
«Огородники»	39
Москва – Иркутск	41
Обида	43
Память	45
Хороши у гиганта лапы	47
Вниз и вверх	49
Беркут	51
Необычная операция	53
«Кутузов»	56
«Румянцев»	58
Надежная интуиция	60
Поклон победителям	62
Изгнание фашистов. 1943-1944	64
Восточный вал	67
Первые	69
Горпина Павловна	71
Невидимый мост	73
Снег на голову	75
Отпуск	77
С букрина, с Лютежа?	79
Киев	81
Горы	83
Оксанка	85
Новые погоны	87
«Багратион»	90
Два процента	92
Танк	94
«Инженерная операция»	96
Святость	98
Партизанский приговор	100
Баграмян	102

Лепель	104
Хатынь	106
Мишка	108
Доложить!	110
Фаталисты	112
Памятный день	114
Жало	116
Полный кавалер	118
Море справа, горы слева	120

Сергей Алексеев
**Победа под Курском. 1943. Изгнание
фашистов. 1943–1944: рассказы для детей**

Великая Отечественная война 1941–1945

Книги серии:

- ★ Московская битва. 1941—1942
- ★ Сталинградское сражение. 1942—1943
- ★ Оборона Севастополя. 1941–1943 Сражение за Кавказ. 1942—1944
- ★ Подвиг Ленинграда. 1941—1944
- ★ Победа под Курском. 1943 Изгнание фашистов. 1943—1944
- ★ Взятие Берлина. Победа! 1945

Художник **А. Лурье**

Оформление серии **Е. Валерьяновой, Т. Яковлевой**

Победа под Курском. 1943

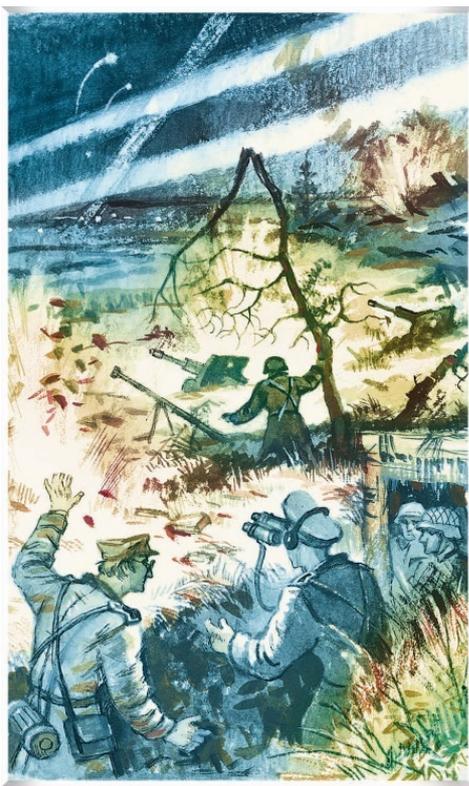

Медаль
«За победу над Германией
в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»

Стояло лето 1943 года. Прошло два года с того дня, когда фашисты напали на нашу Родину.

Многое изменилось за эти два года. Немало славных побед уже было на счету у нашей армии. Она разгромила фашистов в великой Московской битве. Нанесла сокрушительный удар по захватчикам у города Сталинграда.

После поражения под Сталинградом и на Кавказе фашисты откатились на многие километры на запад. Они отступили на юге, еще дальше были отогнаны от Москвы. В числе многих других городов наши войска освободили и крупный промышленный город Курск. Здесь они глубоко врезались в фашистскую оборону. Образовался так называемый Курский выступ, Курская дуга.

Фашисты мечтали о реванше. Они хотели отомстить за поражения под Москвой и под Сталинградом и все еще надеялись на новые победы.

«Курская дуга – вот самое лучшее место, чтобы нанести сокрушительный удар советским войскам», – рассуждали фашистские генералы.

5 июля 1943 года фашисты перешли в наступление.

Курская битва была одним из самых грандиозных сражений Великой Отечественной войны. О подвигах советских солдат в битве на Курской дуге и написаны эти рассказы.

Первые залпы

Июль. Пятое. 1943 год. Короткая летняя ночь. Курская дуга. Не спят фашисты. На три часа утра назначено наступление. Отборные войска направлены сюда, под Курск. Лучшие солдаты. Лучшие офицеры и генералы. Лучшие танки, лучшие пушки. Самые быстрые самолеты. Таков приказ главаря фашистов – Адольфа Гитлера.

За тридцать минут до начала штурма начнут фашисты артиллерийскую атаку на советские позиции. Загрохочут пушки. Это будет в два тридцать. Пропашут снаряды советские позиции. Затем вперед устремятся танки. За ними пойдет пехота.

Притаились фашистские солдаты. Сигнала ждут. Нет-нет, на часы посмотрят. Вот два часа ночи. Два пять. Два десять. Двадцать минут до двух тридцати осталось. Пятнадцать, десять минут осталось. Десять минут, и тогда...

И вдруг! Что такое?! Не могут понять фашистские солдаты, что же вокруг случилось. Не от них, не со стороны фашистских позиций, а оттуда, от русских, прорвав рассвет, огненным гневом ударили пушки. Покатился смертельный вал. Вот подошел к окопам. Вот заплясал, закружил над окопами. Вот поднял землю к небу. Вот вновь металлом забил, как градом.

В чем же дело?

Оказалось, советским разведчикам удалось установить точные сроки фашистского наступления. День в день. Час в час. Минута в минуту. Не упустили удачу наши. Упредили фашистов. По готовым к атаке фашистским войскам первыми всей силой огня ударили.

Заметались фашистские генералы. Задержалось у них наступление. Прижались к земле фашистские солдаты. Не тронулись с исходных позиций фашистские танки. Не успели артиллеристы открыть огонь. Лишь через несколько часов смогли фашисты пойти в атаку. Однако без прежнего энтузиазма.

Шутили у нас в окопах:

– Не тот теперь выдох!

– Не тот замах!

И все же сила у фашистов была огромная. Рвутся они к победе. Верят они в победу.

Звероловы

Долго готовились фашисты к Курской битве. Дважды начало ее откладывали. То не готовы новые танки. То не готовы новые пушки. То новые самолеты не закончили испытания.

Готовились фашисты к наступлению. К наступлению готовились и наши войска. И наши приняли решение ударить по фашистам именно здесь, в районе Курского выступа. Ставка Верховного Главнокомандования рассматривала вопрос: наступать первыми или выждать? Решили – выждать. План у советских войск был такой: пусть первыми ударят фашисты, мы их сдержим, обессилим в упорных оборонительных боях, а затем, выбрав удобный момент, сами перейдем в наступление.

Такое ведение войны называется контр наступлением. Утвердила Ставка Верховного Главнокомандования этот план.

Наступление под Курском фашисты начали с двух направлений. Они наносили удар по Курску с севера, со стороны города Орла, и с юга, со стороны города Белгорода. Прорваться к Курску, захватить в огромный мешок советские войска, которые находились на Курском выступе, разбить, уничтожить, пленить эти войска – таковы намерения у фашистов.

Дождались фашисты новой военной техники. Во время Курской битвы у них появились сразу два новых танка. Один из них фашисты назвали «тигр», второй – «пантера». Была у врагов и еще одна новинка – самоходное очень мощное орудие «фердинанд». Началась битва. Пошли в атаку «тигры», «пантеры» и «фердинанды».

Не приметно ничем селение Ольховатка: поле, овраги, ручьи в оврагах. Метры родной земли. Грозный бой развернулся на этих метрах.

С севера, со стороны Орла, фашисты направили удар на Ольховатку.

В числе войск, сражавшихся под Ольховаткой, находился истребительно-противотанковый полк. Служили в полку два брата: Никита Забродин и Степан Забродин. Оба рослые. Оба красивые. Сержанты оба. Один и другой командиры орудий. Родом они из Сибири. Работали до войны звероловами.

Знают солдаты в полку, что у фашистов «тигры», «пантеры» и «фердинанды». Смеются солдаты, кивают братьям:

- По вашей, выходит, части.
- Верно, по нашей, – сказал Степан.
- Согласен, по нашей, – сказал Никита.

Заработали их расчеты.

Лихо сражался Степан Забродин. Не торопился, стрелял с умом. Не бил в лобовую броню. Метил противнику в бок. Тут у танков броня не такая толстая. Выходят из строя «тигры».

Не уступает брату и Никита Забродин. Ловок в бою Никита. Этому больше везет в «пантерах». Выстрел. Выстрел. И снова выстрел. Замирают в прыжках «пантеры».

А слева и справа другие стоят солдаты. И у этих в бою удача. Однако у Забродиных все же больше. Три танка подбил Степан. Три танка подбил Никита.

- Звероловы, как есть звероловы! – смеются солдаты.

Под Ольховаткой были в героях не только одни Забродины. Многие там отличились. И артиллеристы, и наши танкисты, и пехотинцы, и авиаторы. Не взяли враги Ольховатку. Отстояли ее солдаты.

Особые

Не смогли фашисты через Ольховатку на Курск прорваться, повернули на станцию Поньри.

Здесь, как и под Ольховаткой, вновь много советских бойцов отличилось. Был в их числе и артиллерийский расчет, которым командовал ефрейтор Кузьма Андреевич Зуев.

На время боя орудие Зуева было придано небольшому пехотному подразделению. Прибыла пушка в подразделение.

Окружили ее солдаты.

Среди пехотинцев много совсем молодых бойцов. Есть и такие, которые пушку впервые так близко видят. Смотрят солдаты: кто издали, кто ближе подходит. А один и вовсе шагнул к орудию. Колеса потрогал, пощупал лафет, ствол, словно по шее коня, похлопал. Обратился к артиллеристам:

– Здорово лупит?

– Молния-гром!

Замаскировали артиллеристы орудие, установили так, чтобы фашисты не сразу его заметили, приготовились к бою.

Вот и фашистские танки пошли в атаку. Выжидают артиллеристы. Выжидают бойцы в окопах.

Ближе танки. Все ближе.

«Чего не стреляют?! Чего не стреляют?!» – тревога прошла в окопах.

И вот ударила грозно пушка. Считают огонь солдаты:

– Раз!

– Два!

– Три!

Посмотрели теперь на поле:

Раз.

Два.

Три.

Три фашистских танка стоят подбитыми. Прошел по окопам восторженный гул:

– Вот так ребята!

– Вот так оружие!

– Молния-гром! – заключает тот самый, который пушку, словно по шее коня, похлопал.

Продолжается бой. Опять фашисты идут в атаку. Опять пушка огонь открыла. Смотрят солдаты: четыре новых танка стоят подбитыми. А за этими снова три.

И снова в окопах:

– Вот так расчет!

– Глаз как алмаз!

– Пушка, братцы, у них особая!

– Да что там пушка – люди они особые!

Сказали бойцы и сглазили. Определили фашисты место, где стояла в укрытии наша пушка. Разбили фашисты советскую пушку.

Замолчала пушка. А фашисты идут и идут. Все ближе они к нашим окопам.

Вступили пехотинцы теперь в сражение. Подпустили к окопам танки. Полетели гранаты в танки.

Наблюдает артиллеристы. Ловко бросают бойцы гранаты. Считают артиллеристы подбитые танки:

– Раз!

– Два!

– Три!

Не сдержались артиллеристы:

– Вот так ребята!

– Вот так гранаты!

Продолжается бой. Нелегка для фашистских танков схватка с героями. Вновь выходят из строя фашистские танки. К подбитым прибавляются новые. Считают артиллеристы и эти новые.

Не могут артиллеристы скрыть своего восторга:

– Вот так пехота!

– Глаз – ватерпас!

– Гранаты, братцы, у них особые.

– Да что гранаты – люди они особые!

Много под Поньями было солдат «особых», много «особых» гранат и пушек. Стойко стояли в боях солдаты. Сдержали они фашистов. Не прорвались и под Поньями фашисты к Курску. Снова бросились на Ольховатку. Непреступна опять Ольховатка.

Рассчитывали фашисты отсюда, с севера, со стороны Орла, Ольховатки и Поньрей, быстро вперед пробиться. А продвинулись всего лишь на десять – двенадцать километров. Продвинулись. Остановились. Дальше к Курску пути закрыты.

Железный батальон

Бой шел у селения Крутой Лог. Это южнее Курска. Отсюда, со стороны Белгорода, нанесли фашисты второй удар. Рвались они на Корочу, на Обоянь, на Прохоровку. Здесь, у селения Крутой Лог, как раз в направлении на Корочу, держал оборону стрелковый батальон капитана Бельгина.

120 танков, в том числе 35 «тигров», обрушились на наши окопы.

– Противотанковые ружья к бою! Гранаты к бою! – командует капитан Бельгии.

Сдержали наши удар фашистов. Откатились назад фашисты. Откатились. Чуть переждали. Снова идут в атаку. На этот раз за танками идет пехота.

– Пропускай танки! – командует Бельгии.

Знают солдаты, что значит пропустить танки. Укрылись они в окопах. Проползли над ними фашистские танки. Поднялись бойцы, открыли огонь по фашистской пехоте. Беззащитной оказалась теперь пехота. Немалый урон нанес батальон фашистам. Пока развернулись танки, пока пришли на помощь своим солдатам – защищать оказалось некого: легла под метким огнем советских стрелков вражеская пехота. Взялись наши солдаты теперь за танки. Достается фашистским танкам.

Удержали рубеж советские солдаты. Откатились назад фашисты.

Откатились фашисты. Чуть переждали. В третий раз начинают они атаку.

Опять пошли танки. Ревут моторы. За танками грозно идет пехота.

– Пропускай танки! – снова дана команда.

Укрылись солдаты в окопах. Ждут, когда пройдут над головами танки.

– Сейчас пройдут, и тогда не зевай, – рассуждают солдаты. – Снова покажем фашистам!

Все ближе к окопам танки, все ближе. И вдруг, подойдя к окопам, остановились танки. Остановились. Затем развернулись. И стали «утожить», то есть ходить по нашим окопам. Ждут фашисты: вот-вот побегут из окопов советские солдаты.

– Ну как?

– Не бегут, – отвечают фашистам. – Держатся.

И верно – держатся.

Открыли тогда фашисты пулеметный огонь по окопам. Ждут фашисты: вот-вот побегут солдаты.

– Ну как?

– Не бегут, – отвечают фашистам. – Держатся.

И верно – держатся.

Но не только держались и удержались советские солдаты. Не прекращали с фашистами бой. 39 фашистских танков подорвали советские солдаты к концу сражения. Уничтожили без малого тысячу фашистов.

Отступили опять фашисты.

«Железным батальоном» назвали за этот бой батальон капитана Бельгина. Точное очень слово. Ищи – не найдешь другого.

Гвардейский аппетит

Танкист лейтенант Бессарабов мечтал о «тигре», то есть мечтал в бою своим танком подбить фашиста. Отличный танкист Бессарабов. Как же ему – без «тигра»!

Сражался Бессарабов южнее Курска, возле города Обояни. С особой силой тут рвались вперед фашисты. Именно здесь больше всего и появилось фашистских «тигров».

Разгорелось сражение. И вот в самом его начале подбил Бессарабов танк. Правда, не «тигра». Подбил обычный. Поздравляют его товарищи. Подбить танк, хотя и обычный, случается тоже не каждый день.

– Не то, не то, – махнул огорченно Бессарабов.

Продолжается бой. И снова подбил Бессарабов танк. Правда, не «тигра». Подбил обычный.

Поздравляют его товарищи. Не каждый день ведь такое случается, чтобы подбить два танка.

– Не то, не то, – опять о своем Бессарабов.

– «Тигра» он хочет! – смеется лучший дружок Бессарабова, лейтенант Гогоберидзе.

Не отпирается Бессарабов.

И вот в том же бою повстречал он «тигра». Столкнулись танки на встречных курсах, нос к носу, лобовая броня к броне.

Припал к орудию Бессарабов. Послал бронебойный снаряд по «тигру». Ударил снаряд в броню. Смотрит Бессарабов: не тронут «тигр». Отлетел от брони снаряд. Лишь искры, как из трамвайной дуги, посыпались. Снова Бессарабов пустил снаряд. И снова снаряд – словно в слона горошина. Недоступной для наших танковых пушек была лобовая броня у «тигра».

Фашист ответно открыл огонь. Едва увернулся от «тигра» тогда Бессарабов. Едва от врага ушел.

На следующий день под Обоянью вновь разгорелась битва. Бились упорно. И мы и фашисты. Железо сошлось с железом. Сила ломила силу.

И вот – ура! – подбил Бессарабов «тигра». Стрелял не в лоб, как вчера, а в бок, где тоньше броня у танка.

Разгорячился боец в сражении. Рвется он к центру боя. Вдруг видит – рядом танк лейтенанта Гогоберидзе. Слышит по радиации голос друга:

– Что тебе, мало «тигра»?

– Мало! – кричит Бессарабов.

– Хочешь еще?

– Хочу!

Усмехается Гогоберидзе:

– Наш аппетит, танкистский!

Подбил второго «тигра» танкист. Минута, вторая – горит и третий.

Поздравляют друзья Бессарабова:

– Наш аппетит, гвардейский!

Лейтенант Бессарабов был первым из советских танкистов, подбившим в одном бою три неприятельских «тигра». Потом и другие нашлись умельцы. Уничтожали по три, по четыре «тигра». Однако первый есть все-таки первый. Почет всегда больше первому.

Трубка

Старший лейтенант Алихан Гагкаев командовал артиллерийской батареей. Четыре орудия в батарее.

Любили батарейцы своего командира: молодой, всегда веселый. Родом он был с Кавказа. О горах, водопадах любил лейтенант рассказывать, о милой своей Осетии.

Была у Гагкаева трубка – память о доме. Не расставался Гагкаев с трубкой. Сам не курил. Просто носил в кармане.

– В Берлине раскурим, – шутил Гагкаев.

Во время Курской битвы батарея Гагкаева сражалась южнее города Обояни. С редким упорством здесь рвались вперед фашисты. Особенно возле села Яковлево у шоссе, ведущего из Белгорода на Курск. Тут и стояла батарея Гагкаева. Не она одна прикрывала шоссе. Левее, правее стояли другие. Но сложилось так, что один из главных ударов фашистов пришелся как раз на батарею Гагкаева.

Держит Гагкаев по радиации связь с командиром полка майором Котенко.

– Вижу танки.

– Сколько?

– Десять.

Через минуту:

– Тридцать...

Семьдесят танков рвалось сюда, на Яковлево.

Вступили солдаты в бой. Обрушили артиллеристы огонь на фашистские танки. Удачно они стреляли. Выходят из строя фашистские машины. Но бой есть бой. Тут взаимны всегда потери. Подбили фашисты одну из советских пушек. Было четыре, осталось три.

Продолжается жаркий бой. Снова выходят из строя фашистские танки. Но и снова потеря на батарее. Гибнет вторая пушка. Было четыре, осталось две. Но и две – это тоже сила.

– Как дела? – спрашивает по радиации майор Котенко. – Нормально, – отвечает ему Гагкаев. Все сильнее, все упорнее бой. Бой есть бой. Снова потеря на батарее.

Было четыре пушки. Одна осталась. Но и одна – это тоже сила.

– Как дела? – опять запрос от майора Котенко.

– Держимся, – отвечает ему Гагкаев.

Держатся герои. Не пропускают вперед фашистов.

Погибла последняя пушка. Взяли батарейцы гранаты в руки. Перешли к рукопашному бою.

– Как дела? – снова слышится голос майора Котенко.

– Нормально! – кричит Гагкаев. – Держимся. Перешли к рукопашному бою.

– Понял. Идем на помощь.

Прибыла помощь: танки, отряд пехоты. А с ними и сам Котенко. Повернулся к командиру полка Гагкаев. Руку поднес к фуражке.

– Товарищ майор, держит рубеж батарея.

– Орлы! Молодцы! – похвалил Котенко. Улыбнулся Гагкаев. Продолжает стоять, все руку не отводит от фуражки. И вдруг побледнел, качнулся и рухнул на землю. И только тут увидел майор Котенко – весь правый бок у артиллериста залит кровью. Бросились к нему батарейцы, наклонился майор Котенко.

– Держит рубеж бата... – вновь произнес герой.

И больше – ни слова. Мертвым лежал Гагкаев¹. Погиб Гагкаев. А трубка осталась. Сохранили ее солдаты. Раскурили ее батарейцы в Берлине. В день нашей победы. Как и мечтал Гагкаев.

¹ За свой боевой подвиг старший лейтенант Алихан Гагкаев был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Вальс Добрянского

Бои шел в районе шоссе Белгород – Обоянь. Наступали фашистские танки. Впереди двигались «тигры».

Недалеко от наших окопов находился наблюдательный пункт. Два советских бойца, два солдата-разведчика, прижались к земле и следили за движением вражеских танков.

Один из «тигров» заметил советских воинов. Решили фашисты раздавить наших солдат. Направили танк на разведчиков. Ползет, как утюг, машина. Все ближе, все ближе. Занял половину, занял полнеба. Секунда, вторая. Рывок – и всё.

Не выдержал один из бойцов. Вскочил с земли, побежал по полю. Фашисты открыли пулеметный огонь. Рухнул солдат на землю.

Второй же боец – Анатолий Добрянский остался лежать на месте. Подошел к нему вражеский танк, только подмять собрался, как вдруг вскочил Добрянский. Метнулся к танку. Прижался к «тигру», к борту, к его броне.

Смотрят из окопов бойцы на Добрянского:

– Хитрец!

– Мудрец!

Неуязвимый для «тигра», для его пулеметов оказался теперь Добрянский.

Тогда фашистский танк начал кружить по полю. Пытается он раздавить смельчака. Но и вправду смысленый солдат Добрянский. Кружит он вместе с танком, не отрывается от брони.

И снова доносится из окопов:

– Герой!

– Молодец!

Кружил Добрянский вместе с танком, кружил, вдруг видит – рядом окоп. Прыгнул в окоп Добрянский, укрылся от страшной смерти.

Смотрят фашисты. Где же боец? Провалился под землю? Броней придавлен? Увидели окоп. Вот где солдат укрылся. Примяли, притоптали танком окоп фашисты. Дальше пошли по полю.

Решили фашисты – погиб солдат. А Добрянский цел, невредим. Поднялся, швырнул бутылку с горючей жидкостью. Точно бросал боец. Попал в уходящий фашистский танк. Прямо туда, где с горючим баки.

Вспыхнул фашистский танк, как факел.

Смеялись потом бойцы, вспоминая, как Добрянский с танком кружил по полю.

– Здорово ты вальсировал!

– Кавалер из тебя заправский!

Подвиг рядового Добрянского для многих бойцов послужил наукой. Даже специально в частях изучали, как лучше, если возникнет во время боя надобность, вплотную прижаться к танку.

Идут у бойцов занятия.

– Что изучаете?

– Науку военную.

– Как называется?

– Вальс Добрянского.

Горовец

Эскадрилья советских истребителей завершала боевой вылет. Прикрывали летчики с воздуха южнее Курска в районе Ольховки наземные наши части. И вот теперь возвращались к себе на базу.

Последним в строю летел лейтенант Александр Горовец. Все хорошо. Исправно гудит мотор. Стрелки приборов застыли на нужных метках. Летит Горовец. Знает – впереди лишь минутный отдых. Посадка. Заправка. И снова в воздух. Нелегко авиации в эти дни. Битва не только гремит на земле – поднялась этажами в воздух.

Летит Горовец, небо окинет взглядом, взглядом проверит землю. Вдруг видит – летят самолеты: чуть сзади, чуть в стороне. Присмотрелся – фашистские бомбардировщики.

Начал летчик кричать своим. Не ответил никто из наших. Сплюнул пилот в досаде. Зло посмотрел на рацию. Не работает, смолкла рация.

Идут фашистские бомбардировщики курсом к нашим наземным позициям. Там и обрушат смертельный груз.

Подумал секунду лейтенант Горовец. Затем развернул самолет и устремился к врагам навстречу.

Врезался летчик в фашистский строй. Первой атакой пошел на ведущего. Стремительным был удар. Секунда. Вторая. Ура! Вспыхнул свечой ведущий.

Развернулся лейтенант Горовец, на второго фашиста бросился.

Ура! И этот рухнул.

Рванулся к третьему. Падает третий.

Расстроился строй фашистов. Атакуют врагов Горовец. Снова заход и снова.

Четвертый упал фашист.

Вспыхнул пятый.

Шестой!

Седьмой!

Уходят фашисты.

Но и это еще не все. Не отпускает врагов Горовец. Бросился вслед. Вот восьмой самолет в прицеле. Вот и он задымил, как факел. Секунда... Другая... И сбит самолет девятый.

Бой летчика Горовца был уникальным, неповторимым. Много подвигов совершили советские летчики в небе. Сбивали в одном полете по три, по четыре, по пять и даже по шесть фашистов. Но чтобы девять! Нет. Такого не было. Ни до Горовца. Ни после. Ни у нас. Ни в одной из других воюющих армий. Лейтенант Горовец стал Героем Советского Союза.

Не вернулся из полета лейтенант Александр Константинович Горовец. Уже на обратном пути к аэродрому набросились на героя четыре фашистских истребителя.

Погиб лейтенант Горовец.

А подвиг живет. И рассказы о нем ходят как быль, как сказка.

Три подвига

Многие советские летчики отличились в боях под Курском.

Весной 1942 года в тяжелых схватках на Северо-Западном фронте, в воздушном бою, один из советских летчиков был тяжело ранен, а его самолет подбит. Летчик опустился на территорию, занятую врагом. Он оказался один в лесной глуши. Летчик стал лицом к востоку и начал пробираться к своим. Он шел сквозь снежные сугробы, один, без людей, без еды.

Солнце садилось и всходило.

А он шел и шел.

Болели раны. Но он преодолевал боль.

Он шел и шел.

Когда силы его покидали, он продолжал ползти.

Метр за метром. Сантиметр за сантиметром.

Он не сдавался.

Солнце всходило и садилось.

А он шел и шел.

Он совершил подвиг и дошел до своих.

На восемнадцатые сутки, изможденного и обмороженного, его подобрала партизаны. На самолете он был доставлен в госпиталь. И тут самое страшное – неумолимый приговор врачей: необходима операция. Летчик обморожен.

Он лишился ног.

Но летчик хотел летать. Хотел продолжать бить ненавистного врага.

И вот он совершает второй свой подвиг. Летчику сделали протезы. Он начал тренироваться ходить с костылями, а затем... без костылей.

Теперь он упросил врачей разрешить сесть ему в самолет. Он был настойчив, и врачи уступили. Летчик снова на летном поле. Вот он в кабине. Он снова в воздухе.

И опять тренировки, тренировки, бесчисленные тренировки.

Его проверили самые придирчивые экзаменаторы и разрешили летать.

– Только в тылу, – сказали летчику.

Летчик упросил отправить его на фронт.

Летчик упросил доверить ему истребитель.

Он прибыл под Курск незадолго до начала Курской битвы. По первой же тревоге он поднялся в воздух.

Тут под Курском он совершил свой третий подвиг. В первых же боях он сбил три вражеских самолета.

Этот летчик известен всей стране. Имя его – Алексей Петрович Маресьев. Он Герой Советского Союза. О нем написана прекрасная книга. Автор ее – писатель Борис Полевой. «Повесть о настоящем человеке» называется эта книга.

Черный день

Гудит, грохочет металлом битва. Сошлись две силы на русском поле. Лавина стали сошлась с лавиной. Смешались в схватке огонь и люди. Зловещей гарью покрылось небо.

12 июля 1943 года под селением Прохоровка, южнее Курска, произошло величайшее во всей истории Великой Отечественной войны танковое сражение. Почти 1200 боевых машин и самоходных орудий приняло участие в этом небывалом сражении.

Через Прохоровку проходила железная дорога из Белгорода на Курск. Сюда и устремились теперь фашисты. Двигутся фашистские танки – «тигры», «пантеры» и самоходные орудия – «фердинанды» на Прохоровку. А в это время навстречу фашистам идет советская танковая армия. Встретились танки. Вступили в бой.

Ворвались наши в ряды фашистов. Ближний бой выгоден нашим танкам. В ближнем бою теряют фашистские «тигры» свое преимущество. С близкого расстояния легче у «тигра» пробить броню, легче зайти и ударить сбоку.

Умело бьются советские танкисты. Достается фашистским «тиграм». Но и наши несут потери. Разгорается ярче битва.

На помощь танкам пришли самолеты. Повисли они над полем. Истребители, штурмовики, бомбардировщики. Наши и фашистские – смешались в небе. И там под солнцем грохочет битва.

На помощь танкам пришла артиллерия. Наша и фашистская. Бьют пушки прямой наводкой. Стойко стоят расчеты. Снаряды дырявят небо и землю.

Солнце давно в зените. В полном разгаре битва.

Плацдарм, на котором идет сражение, совсем невелик. Река Псёл – с одной стороны. С другой – железнодорожная насыпь. С трудом разместилось здесь столько танков. Тесно машинам на поле. Чуть ли не трутся они бортами. Все больше, все больше подбитых танков. Кострами пылает поле – то догорают танки. Дым над землей поднялся, завесой окутал поле. Солнце в чаду, в тумане, словно чадру надело. Не утихает, грохочет битва. Самолеты всё так же в небе. Все так же не умолкает раскат орудий.

...Клонилося солнце к траве, к закату. Устали люди, земля и небо. А бой все шел, все не кончался. И оставалось пока неясным, кому быть в первых, за кем здесь сила. Но вот над полем пронеслось: отходят «тигры». И вслед за этим как гром:

– Победа!

Проиграли фашисты танковое сражение под Прохоровкой. Был восьмой день Курской битвы. «Черным днем» назвали его фашисты.

Наступление на юге от Курска, так же как и на севере, закончилось для фашистов полным провалом. Всего лишь на 35 километров смогли здесь фашисты вперед продвинуться. Остановили и тут наши войска фашистов.

Николаев

Механик-водитель старший сержант Александр Николаев в Прохоровском сражении вел в бой танк капитана Скрипкина.

– Вперед! Ближе к фашистам! Ближе! – командует Скрипкин.

Сошлись наши с фашистскими танками. Сидит за рычагами танка старший сержант Николаев. Точно выполняет команды Скрипкина.

– Правее! – кричит капитан.

Повернул Николаев правее танк. И тут же перед глазами вырос борт фашистского «тигра». Ударил из пушки стрелок по «тигру». Задымил, запылал фашист.

– Левее! Бери левее! – командует Скрипкин.

Повернул Николаев влево. И снова рядом фашистский танк. Ударил стрелок и по этому «тигру».

– Есть! – закричал стрелок.

Неплохое совсем начало. Продолжают танкисты бой.

Шагает танк Скрипкина, ищет врага прицелом. Нашел.

– Выстрел!

– Выстрел!

Да мимо оба. Ушел, увернулся фашистский танк.

Продолжают танкисты бой.

Ползет танк Скрипкина. Ищет врага прицелом. Но и фашисты Скрипкина тоже ищут.

Опередили фашисты наших:

– Выстрел!

– Выстрел!

Да мимо оба. Сманеврировал, ушел от удара советский танк.

Снова в бою танкисты. Ищут врага прицелом. Но и фашисты Скрипкина тоже ищут. Окружили танк Скрипкина сразу четыре фашистских танка. Подождли фашисты советский танк. Ранили осколком капитана Скрипкина.

Вынесли старший сержант Николаев и радист командира из танка, укрылись рядом в большой воронке.

Не утихает кругом сражение. В самом разгаре битва.

Вдруг видит Николаев, что один из «тигров» движется к воронке. Ясно Николаеву: заметили их фашисты, минута – всему конец. Раздавят советских солдат фашисты.

Рванулись мысли:

«Быстрее – гранату!»

Нет у бойца гранаты.

«Бутылку с горючей смесью!»

Нет у бойца бутылки.

Глянул сержант Николаев на «тигра», потом на свой, на горящий танк. Секунда. Рванулся к танку. Вскочил на башню. Скользнул сквозь пламя. Метнулся в люк. Проверил: мотор исправен, ход не нарушен. Фыркнул, дрогнул и ожил танк. Рванул с места. Развил он скорость и в лоб на «тигра», как молот в кузне. Удар был мощный. Удар – разящий. На месте «тигра» – металл горящий...

Погиб Николаев, но спас товарищей. И подвиг этот хранит История.

Добрыня

Нечастое имя сейчас Добрыня. Когда-то оно гремело.

В одном из гвардейских полков, незадолго до Курской битвы, принимали бойцы пополнение. Разные люди здесь в пополнении. Кто зелен, молод. В годах другие. Кто из колхоза, кто прибыл с завода, кто из резерва, кто из запаса, каждый третий после ранений, прямо с госпитальной койки.

Разные здесь, в пополнении. Кто темный, кто светлый. Кто рослый, кто низкий. Кто тонкий, кто плотный.

А вот и еще один. Гимнастерка – едва до пояса. Грудь в человеческих три обхвата.

– Добрынин, – солдат представился.

Кто-то сказал:

– Добрыня!

Так и пристало к нему Добрыня. В честь Добрыни Никитича – былинного богатыря.

Запылала Курская битва.

Рвались фашисты на Ольховатку. С севера от Орла пробивали дорогу к Курску. Встретил здесь грудью врага Добрыня. Сотни танков ползли на героев. Оказались бойцы сильнее. Задержали они фашистов.

Потом под Поньями его увидели.

– Братцы, смотри – Добрыня!

Нелегко здесь давалась битва. Не пробилась фашисты у Ольховатки. На Поньри тараном стальным обрушились.

Отстоял Поньри Добрыня.

Затем под Обоянью его заметили. Здесь с юга, со стороны Белгорода, наносили по Курску фашисты второй удар. Страшной была здесь битва.

Бьются солдаты, и вдруг:

– Братцы, смотри – Добрыня!

– Да какой вам Добрыня! При чем Добрыня?! Под Поньями, под Ольховаткой сейчас Добрыня. На север от Курска бьется.

– Да нет же, смотри – Добрыня!

Присмотрелись солдаты: Добрыня, верно.

Не пробились фашисты под Обоянью. Новый рывок – на Прохоровку. Смешались в схватке огонь и люди.

– Смотри – Добрыня! – вдруг слышен голос.

– Какой Добрыня?!

– Да нет же, верно. Смотри – Добрыня!

Сдержали наши напор фашистов. Не подпустили и с юга к Курску. Сдержали, смяли, хребет сломили: и там, где север, и здесь, на юге.

Началось советское контрнаступление. Погнали наши врага на запад. Идут в победном строю солдаты:

– Братцы, смотри – Добрыня!

Смотрят солдаты: и верно – идет Добрыня. По курской, по русской земле идет.

Курские соловьи

Побывайте под Курском в мае. Заливаются, щелкают курские соловьи.

В Курской битве вместе с другими войсками сражались и подразделения гвардейских минометов. Гвардейские минометы – это знаменитые «катюши».

В первые дни войны у нас было всего лишь несколько «катюш». В Курской битве принимали участие уже целые части и соединения.

Любили солдаты огонь «катюш». Уважали лихих минометчиков. Летели снаряды «катюш» с характерным и звонким свистом. Всего милее солдатскому сердцу был этот свист. Вот и прозвали бойцы солдат-минометчиков курскими соловьями.

Началась Курская битва. Засвистали, защелкали курские соловьи. Били фашистов в дни наступления. Били и после, когда наши, сдержав фашистов, сами пошли вперед.

Особенно досталось фашистам от наших «катюш» в боях южнее города Обояни. Здесь, рядом с шоссе, идущим на Обоянь из Белгорода, расположился гвардейский минометный полк полковника Бондаренко.

Стояли «катюши» в засаде. Ждали команды к бою. Вдоль шоссе на Обоянь наступали фашистские танки. Словно железная стена надвигалась. Нет, казалось, врагу преграды.

Тут и грянул раскат «катюш». Отстрелялись «катюши», откланялись. В грудах металла поле.

Приехал к месту боя командующий:

– Молодцы! Хороша работа. Кто пропел тут фашистам песню?

Отвечают ему:

– Курские соловьи.

В новом месте пытались фашисты затем прорваться. Шла пехота и снова танки. Но и здесь «катюши» в засадах были. Отстрелялись «катюши», откланялись. Не прошли здесь фашисты. Бежит пехота. В степи догорают танки.

В третьем, в четвертом – во многих местах под Курском сражались тогда «катюши». В числе первых пошли они и в контрнаступление. Едут по полю гвардейские минометы. Меняют полки позиции. Снова грохочут залпы. Слышат солдаты залпы – в улыбках душа и лица:

– Наши запели.

– Наши.

От солдата идет к солдату:

– Курские соловьи!

Генералы против фельдмаршалов

Курский выступ обороняло два фронта. Севернее Курска располагался Центральный фронт. Им командовал генерал Константин Константинович Рокоссовский.

Во многих сражениях прославился Рокоссовский. Он был в числе тех, кто задержал врагов под Смоленском, среди тех, кто громил под Москвой фашистов. Рокоссовский командовал советскими армиями, окончательно разгромившими фашистов под Сталинградом. Это его войска пленили фельдмаршала Паулюса.

Знали солдаты генерала Рокоссовского. Любили и уважали его.

Южнее Курска находился Воронежский фронт. Командовал этим фронтом генерал Николай Федорович Ватутин.

И Ватутин – генерал прославленный. Это он командовал под Сталинградом Юго-Западным фронтом. Именно этот фронт нанес тогда первый сокрушительный удар по фашистам. Это он вместе с другим фронтом, Сталинградским, окружил фашистскую армию между Доном и Волгой.

Против наших фронтов на Курском выступе стояли гитлеровские войска, которые составили две группы армий. Это группа армий «Центр» и группа армий «Юг».

Фашистские войска из группы армий «Центр» сражались против войск генерала Рокоссовского. Командовал этой группой фашистский фельдмаршал фон Клюге.

Войска из группы армий «Юг» сражались против войск генерала Ватутина. Командовал этой группой фашистский фельдмаршал Манштейн. Манштейн в переводе означает «человек-камень». Это он клялся освободить фашистскую армию, окруженную под Сталинградом.

Знают наши солдаты, что против советских генералов на Курской дуге сражаются фашистские фельдмаршалы.

– Посмотрим-посмотрим. Ну, берегись, фельдмаршалы!

Стали солдаты вспоминать, где и когда уже встречались Рокоссовский и Ватутин с Манштейном и Клюге.

– Против Рокоссовского – Клюге. Так-так!

Припомнили солдаты, что в 1941 году фон Клюге был в числе тех фашистских фельдмаршалов, которые со своими войсками наступали на Москву. Побили наши войска тогда и фон Клюге, и других фашистских фельдмаршалов.

Стали вспоминать солдаты, кто бил. Вспомнили генерала Жукова, вспомнили генерала Говорова. Вспомнили и Рокоссовского.

Заговорили солдаты затем о Манштейне.

– Манштейн против Ватутина. Так-так!

Вспомнили солдаты Сталинград, начало 1943 года, неудачную попытку фельдмаршала Манштейна прийти на помощь фельдмаршалу Паулюсу.

Побили наши тогда Манштейна.

Стали солдаты вспоминать, кто побил. В числе тех, кто побил Манштейна, был и генерал Ватутин.

– Били наши генералы уже фельдмаршалов. Били, – сделали солдаты вывод. – Побьют и под Курском, – заключили солдаты.

Не ошиблись солдаты. Побили советские генералы фашистских фельдмаршалов.

«Огородники»

Было это незадолго до Курской битвы. В стрелковую часть прибыло пополнение. Старшина обходил бойцов. Шагает вдоль строя. Рядом идет ефрейтор. Держит карандаш и блокнот в руках.

Глянул старшина на первого из бойцов:

– Картошку сажать умеешь?

Боец смутился, пожал плечами.

Дальше шагнул старшина:

– Картошку сажать умеешь?

– Умею! – звонко сказал солдат.

– Два шага вперед.

Вышел солдат из строя.

– Пиши в огородники, – сказал старшина ефрейтору.

Дальше идет старшина:

– Картошку сажать умеешь?

– Умею.

– Умею.

– Не пробовал.

– Умею.

– Не приходилось, но если надо...

– Умею.

– Умею.

– Хватит, – сказал старшина.

Вышли вперед бойцы. Оказался в строю умеющих и солдат Анатолий Скурко. Гадают солдат Скурко: куда это их, умеющих? «Картошку сажать – так по времени поздно. (Уже вовсю заиграло лето.) Если ее копать, то по времени очень рано».

Гадают солдат Скурко. И другие бойцы гадают:

– Картошку сажать?

– Морковку сеять?

– Огурцы для штабной столовой?

Посмотрел на солдат старшина.

– Ну что же, – сказал старшина. – Отныне вам быть в минерах, – и вручает солдатам мины.

Приметил лихой старшина, что тот, кто умеет сажать картофель, быстрее и надежнее ставит мины.

Усмехнулся солдат Скурко. Не сдержали улыбки и другие солдаты.

Приступили к делам «огородники». Конечно, не сразу, не в тот же миг. Ставить мины не такое простое дело. Специальную тренировку прошли солдаты.

На многие километры на север, на юг, на запад от Курска протянули минеры минные поля и заслоны. Только в первый день Курской битвы на этих полях и заслонах подорвалось более ста фашистских танков и самоходных орудий.

Идут минеры.

– Ну как, «огородники»?

– Полный во всем порядок.

Москва – Иркутск

И это было до Курской битвы. Рыли солдаты траншеи, окопы, укрепляли подходы к Курску.

Бросают солдаты землю.

Вдруг – автомашина «виллис». Из штаба фронта. Остановился «виллис». Вышли двое. Один из приехавших – капитан. Признали его солдаты: военный инженер из штаба Центрального фронта.

Интересно солдатам: сколько ж отрыли они окопов? Обратились к штабисту:

– Инженер-капитан, сколько же мы отрыли? Достал капитан блокнот. Раскрыл. На пометку какую-то глянул. Что-то в уме прикинул.

– От Москвы до Рязани, – сказал капитан. Оказался как раз капитан из тех, кто для наглядности любил прибегать к сравнениям.

– До Рязани?! – сорвалось солдатское удивление.

– До Рязани, – сказал капитан.

Осмотрел капитан окопы. Какие-то записи сделал. Уехал проворный «виллис».

Снова солдаты лопаты в руки. Дальше ползут окопы. Через какое-то время снова приехал сюда капитан. И снова солдаты с тем же к нему вопросом: сколько земли отрыли?

Достал капитан блокнот. На пометку какую-то снова глянул. Что-то в уме прикинул.

– От Москвы до Казани, – сказал капитан.

– До Казани?! – удивляются опять солдаты.

– До Казани, – подтвердил капитан.

Осмотрел капитан окопы. Осмотрел, обошел округу. Какие-то записи снова сделал. Умчался ракетой «виллис».

Снова солдаты за работу. Снова умылись потом. Дальше ползут окопы.

И в третий раз приезжал капитан, и в четвертый. Затем и в пятый. И каждый раз солдаты с тем же к нему вопросом: сколько земли прорыли?

– От Москвы до Свердловска (ныне Екатеринбург), – сказал капитан в третий раз.

Довольны солдаты:

– Значит, Урал пошел!

– Урал, – соглашается капитан.

– От Москвы до Тюмени, – сказал в четвертый.

Смеются солдаты:

– Значит, Сибирь пошла!

– Сибирь, – соглашается капитан.

– От Москвы до Иркутска, – сказал капитан, когда завершили солдаты свою работу.

Довольны солдаты:

– До Байкала, никак, прорыли. Здравствуй, старик Байкал!

Пять тысяч километров траншей и окопов прорыли солдаты, готовясь к битве под Курском.

И это только на одном, на Центральном фронте. А ведь рядом, на юг, на север от Курска, другие фронты стояли: Воронежский, Брянский, Степной, Юго-Западный, Западный...

Да и не только одни окопы солдаты рыли. Наводили минные поля, строили доты и дзоты, устанавливали проволочные заграждения, возводили различные инженерные сооружения, создавали целые оборонительные районы. Много труда, много усилий.

Знают солдаты: война есть не только подвиг на поле брани. Подвиг труда и подвиг в труде здесь в той же великой мере.

Смеются солдаты:

– Мы этих окопов за всю войну, считай, до небес, до самой Луны и назад прорыли!

– До Марса, считай!

– До Юпитера!

Окопы, окопы. Мозоли солдатские. Еще одна дань войне.

Обида

Во время Курского сражения советскими войсками было взято в плен более 20 фашистских генералов.

Солдат Каюров в боях заслужен. С первой минуты солдат на фронте.

И вот Каюров в большой обиде.

Ворчит Каюров:

– Подумать только! Мальчишка прибыл. Лишь день воюет. Не видел лиха. Не нюхал смерти. И вдруг такое!

Солдат Неверов и вправду молод. Лишь день как в роте. Птенец, и только. И вдруг такое!

– Нет правды в мире! – ворчит Каюров.

Так в чем же дело?

На диво роте, на диво части привел Неверов в плен генерала.

Фашист сверхважный. Кресты, погоны. Штаны в лампасах. Фуражка с крабом. Идет, как аист. Как коршун, смотрит.

Бурчит Каюров:

– Где справедливость!

Достал Каюров кисет, махорку. Свернул сигарку. Затяжку сделал.

Отхож Каюров. Душой не злобен.

Остыл Каюров. И вспомнил время. Совсем другое. Тот год зловещий. То лето злое.

В тот час тяжелый на вес бриллианта был каждый пленный. Тогда ефрейтор казался дивом. А нынче гляньте: в плен генерала ведет Неверов!

Неверов – в плен генерала.

Вздохнул Каюров солдатской грудью. Вот отошла обида льдиной. И ветерану стал мил и дорог пленец Неверов, что день на фронте. Пленец Неверов и это время.

Другое время.

Другие были.

Память

Среди Брянских лесов, пробивая на запад путь, речка бежит Нерусса. Хороши места на Неруссе! Березы стоят и ели. Кручи к воде сбегают.

В одном месте над Неруссой видна могила. Светлосерая пирамидка поднялась к небу. Сверху над пирамидкой – пятиконечная звезда. Ограда вокруг могилы. Цветы на могильном холмике. Здесь похоронен Авдеенков.

Рядом с могилой – железнодорожное полотно. Мост перебросился через Неруссу.

Сергей Авдеенков был партизаном. Много здесь, в Брянских лесах, было тогда партизанских отрядов. Во время Курской битвы тут находились тылы фашистов.

Огромное количество боеприпасов, горючего, продовольствия, разного военного снаряжения необходимо войскам на фронте. Идут по фашистским тылам: составы, машины, обозы.

Доставляют фашисты к фронту разные важные, разные срочные, военные всякие грузы.

Идут составы, идут обозы. Только к месту цели не все доходят. Встречают их на пути партизаны – взрывают, сжигают, уничтожают.

Там, далеко за линией фронта, в тылу у фашистов громят фашистов советские партизаны. Помогают советскому фронту.

Получили партизаны задание – уничтожить мост на реке Неруссе.

Старшим пошел Авдеенков.

Перед началом операции партизаны послали вперед разведку. Подготовили группу захвата, группу прикрытия. Договорились, кому укладывать тол на мосту, кому ставить мины, кому взрывать.

Подшли к мосту вечером. Подползли совсем близко. Открыли огонь. Убрали охрану.

Сергей Авдеенков повел минеров. Поднялись на мост. Все шло успешно. Стали укладывать тол. Приготовили мины. Еще секунда, совсем немного – вставят запал минеры. Отойдут, отбегут от моста. Раздастся гигантский взрыв. Рухнет махина в воду. Все точно идет по плану.

И вдруг ударил по подрывникам пулемет. То ли охрана моста оказалась не вся перебита, то ли явилась к фашистам помощь. Пули ранили Сергея Авдеенкова. Он вскрикнул от боли, упал, затем приподнялся. Глянул по сторонам, видит: погибли все на мосту. В живых он лишь один остался. А неприятельский пулемет все не умолкает.

– Беги! Беги! – закричали Авдеенкову товарищи, те, что прикрывали внизу подрывников.

Но Сергей Авдеенков не тронулся с места. Выхватил он гранату. Размахнулся и бросил туда – на приготовленный к взрыву тол.

Страшный грохот прошел над лесом. Мост вздрогнул, приподнялся и, увлекая Сергея Авдеенкова, со страшным шумом упал в Неруссу.

...Горным потоком промчались годы. Вновь над Неруссой бегут составы. Взлетают на мост вагоны. И в ту же минуту – гудок над составом. То память о прошлом пронзает небо. То низкий поклон герою.

Хороши у гиганта лапы

Партизаны!

Как огня боялись фашисты народных мстителей. Перед началом Курской битвы фашисты приняли решение уничтожить партизан, которые действовали у них в тылу, в Брянских лесах.

Направили против партизанских отрядов фашисты свои войска. Не роту, не батальон. Целую дивизию.

Втянулась дивизия в бой.

Мало одной дивизии.

Добавили вторую.

Мало.

Добавили третью. Затем – четвертую, пятую, шестую. Потом добавили танковую дивизию. Затем прислали сюда самолеты. Не пять, не десять. А целых сто.

Но и этого было мало.

Почти целую армию пришлось снять фашистам с фронта и направить ее в Брянские леса.

Командующим войсками, действующими против партизан в Брянских лесах, был назначен генерал-лейтенант Борнеманн.

Ведут фашисты борьбу с партизанами. Поступают к Борнеманну радостные доклады: мол, и в одном, и в другом, и в пятом, и в десятом месте уничтожены брянские партизаны.

– Уничтожены!

– Уничтожены!

– Уничтожены!

Докладывают Борнеманну: все спокойно кругом, все тихо, тише быть не может.

Выехал Борнеманн на проверку. Плавно бежит машина. Достигла соседнего поля. Поравнялась с соседним лесом. Все спокойно кругом. Все тихо.

Приятно смотреть на кусты, на дубы, на ели. Вот он, загадочный Брянский лес. Птицы щебечут, укрывшись в кронах. Солнце сквозь листья бросает жемчужный свет.

Едет машина. Вот дуб-богатырь появился справа. Вот ель-великан появилась слева.

Залюбовался каратель елью. Хороши у гиганта лапы.

И вдруг! Что такое?

Расступились хвойные лапы. Поднялись на генерала в упор автоматы. Просвистали, прощелкали пули. Вновь сомкнулись у ели ветви. Вновь тишина на лесной дороге.

В машине, в портфеле у генерала, партизаны обнаружили очень важные документы. Были здесь и приказы из Берлина, и секретные штабные бумаги, и карты, и тоже секретные и даже особо секретные, как раз именно те, на которых указывалось расположение фашистских войск в самом преддверии Курской битвы.

В тот же день партизаны связались с нашими войсками, и портфель генерала Борнеманна специальным самолетом был отправлен в Москву.

Много отважных подвигов совершили брянские партизаны, помогая героям Курской битвы. Они и сами были ее героями.

Вниз и вверх

Полковник Шлиффен полком командовал. С полком и встретил час Курской битвы. Во время Курского сражения фашисты несли огромные потери. Не составлял исключения и полк Шлиффена. И он урезан. Прошло два дня, а полк, как ельник, войной разрежен. Сосчитали в полку уцелевших. Как раз батальон набрался. Вызвал Шлиффена генерал. Явился полковник на зов начальства.

– Хайль Гитлер!

– Хайль!

Долго кричал генерал на Шлиффена. Слова говорил обидные. Хотел обвинить в измене. Кончилось тем, что из остатков полка батальон составили. Хоть и остался полковник в чине, однако батальоном теперь командует.

Продолжается Курская битва. Несладки дела у Шлиффена. От батальона рота едва осталась. Вызвал Шлиффена генерал. Явился полковник на зов начальства.

– Хайль Гитлер!

– Хайль!

Долго кричал генерал на Шлиффена. Словами стегал обидными. Хотел обвинить в измене. Кончилось тем, что из батальона роту теперь составили. Хотя и остался полковник в чине, однако ротой теперь командует.

Сдержали наши напор фашистов. Начали контрнаступление. Растут у фашистов опять потери, редеют полки и роты, как кроны березок в студеную осень.

Отступает с войсками Шлиффен. Подводит итог по роте. В роте не больше взвода. Вот он взводом уже командует. Спускается Шлиффен все ниже и ниже. Отделением уже командует. Еще бы шаг...

Разорвало советским снарядом Шлиффена.

Там же, под Курском, сражался ефрейтор Хупке. Улыбнулась судьба солдату. Не думал Хупке совсем об этом. Не мечтал о продвижении вверх по службе. Был он ефрейтором. Был доволен. И вот чудеса приключились с Хупке.

В первый же день Курской битвы погиб командир отделения, в котором служил Хупке. С этого все началось.

Вызвал Хупке к себе лейтенант, командир их пехотного взвода. Прибыл Хупке на зов начальства.

– Хайль Гитлер!

– Хайль!

Посмотрел лейтенант на Хупке. Глазами от пола до челки солдатской смерил.

– Гут! – сказал лейтенант.

Назначили Хупке командовать отделением.

Продолжается Курская битва. Все злее бои, все страшнее потери. Не минуют они и полк, в котором сражается Хупке. И вот в бою погиб командир их взвода.

Вызвал Хупке к себе капитан, командир их пехотной роты. Прибыл Хупке.

– Хайль Гитлер!

– Хайль!

Посмотрел капитан на Хупке. Царапнул от челки солдатской до пола взглядом.

– Гут! – сказал капитан.

Назначили Хупке командовать взводом.

Началось наше контрнаступление. Снова потери несут фашисты. Много фашистов тогда погибло. Был убит и капитан, командир роты, в составе которой сражался Хупке. И ротный убит, и взводные все убиты. Из командиров в живых лишь Хупке один остался.

Вызвал Хупке к себе майор, командир их пехотного батальона. Прибыл Хупке.

– Хайль Гитлер!

– Хайль!

И вот назначен Хупке командовать ротой.

Поднимается Хупке все выше и выше. Батальоном уже командует. Еще шаг – и получит полк. Да закончилось вдруг продвижение. Столкнулся их полк с «катюшами». Лег, как трава на покосе, полк.

А как же Хупке? Жив, представьте, остался ефрейтор Хупке.

Сдался нашим солдатам в плен.

Беркут

Отступают фашисты. Отходят, отводят, спасают уцелевшие в боях под Курском военные части и боевую технику.

Преследуют, наносят по отходящим фашистам удары наши.

Было это у города Грайворона. В один из наших авиационных полков пришло от разведчиков донесение. Сообщали разведчики: в небе фашистские самолеты. Замкнули над чем-то круг. До самой земли пикируют.

Ясно командирам: атакуют фашисты какую-то нашу часть.

Послали командиры вперед самолеты. Приказ: отогнать фашистов и взять под защиту советские подразделения.

Поднялись в воздух советские самолеты. В составе своей эскадрильи летел и лейтенант Абиш Куланбаев. Зорек, как беркут, Абиш Куланбаев. Достигли летчики цели. Ринулись в атаку. Отогнали фашистов. Смотрят на землю: что там за части? Видят, идут колонны: танки, орудия, автомашины. И слева – колонны. И справа – колонны.

– Что за войска? – гадают летчики. – Хозяйство Петрова? Хозяйство Смирнова? Танки майора Багир-оглы?

– Что за войска? – гадают и Абиш Куланбаев.

Зорек, как беркут, Абиш Куланбаев. Спустился он ниже, взгляделся. И вдруг: фашистские кресты на бортах у танков. «Так это не наши идут колонны! Это – фашисты!»

– Фашисты! – кричит Куланбаев.

Верно. Действительно, шли фашисты. А фашистские самолеты над ними кружили и их атаквали – так, для отвода глаз. Пойди сообрази, что на своих же они пикируют. На это и был у фашистов расчет. Пытались нас обмануть. Увезти без потерь боевую технику.

Разобрались, однако, наши. Открыли по врагам ураганный артиллерийский огонь. Прилетели советские бомбардировщики. Подошли советские пехотинцы.

Не спасла фашистов фашистская хитрость. Разгромили фашистов наши.

Лейтенант Абиш Куланбаев ходил в героях.

– Беркут, беркут! – кругом шутили.

К боевой награде представили летчика. Узнал о зоркости Куланбаева и генерал Ватутин. Как раз в составе фронта, которым командовал Ватутин, и сражался лейтенант Куланбаев. Утвердил генерал награду.

– Беркут, – сказал Ватутин.

Необычная операция

На хитрость врага отвечали и наши военной хитростью. Поражался Макарка Зяблов. Непонятное что-то творилось у них на станции. Жил мальчик с дедом и бабушкой недалеко от города Суджи, в небольшом рабочем поселке при станции Локинской. Был сыном потомственного железнодорожника.

Любил Макарка часами крутиться около станции. Особенно в эти дни. Один за одним приходят сюда эшелоны. Подвозят военную технику. Знает Макарка, что победили фашистов наши войска под Курском. Гонят врагов на запад. Хоть и мал, да с умом Макарка. Видит: приходят сюда эшелоны. Понимает: значит, здесь, в этих местах, намечается дальнейшее наступление.

Идут эшелоны, пыхтят паровозы. Разгружают солдаты военный груз.

Крутился Макарка как-то рядом с путями. Видит: новый пришел эшелон. Танки стоят на платформах. Много. Принялся мальчик танки считать. Присмотрелся – а они деревянные. Как же на них воевать?!

Бросился мальчик к бабушке.

– Деревянные, – шепчет, – танки.

– Неужто? – всплеснула руками бабушка.

Бросился к деду:

– Деревянные, деда, танки.

Поднял старый глаза на внука.

Помчался мальчишка к станции. Смотрит: снова идет эшелон. Остановился состав. Глянул Макарка – пушки стоят на платформах. Много. Не меньше, чем было танков.

Присмотрелся Макарка – так ведь пушки тоже, никак, деревянные! Вместо стволов – кругляки торчат.

Бросился мальчик к бабке.

– Деревянные, – шепчет, – пушки.

– Неужто? – всплеснула руками бабка.

Бросился к деду:

– Деревянные, деда, пушки.

– Что-то новое, – молвил дед.

Много непонятого творилось тогда на станции. Прибыли как-то ящики со снарядами. Горы выросли этих ящиков. Доволен Макарка:

– Здорово всыпят фашистам наши!

И вдруг узнаёт: пустые на станции ящики. «Зачем же таких-то – и целые горы?!» – гадают мальчик.

А вот и совсем непонятое. Приходят сюда войска. Много. Колонна спешит за колонной. Идут открыто, приходят засветло.

– Наши идут! Наши идут! – голосит Макарка.

Легкий характер у мальчика. Сразу познакомился с солдатами.

Дотемна все крутился рядом. Утром снова бежит к солдатам. И тут узнаёт: покинули ночью эти места солдаты.

Стоит Макарка, опять гадают.

Не знал Макарка, что применили наши под Суджей военную хитрость.

Ведут фашисты с самолетов разведку за советскими войсками. Видят: приходят на станцию эшелоны, привозят танки, привозят пушки.

Замечают фашисты и горы ящиков со снарядами. Засекают, что движется сюда войска. Много. За колонной идет колонна. Видят фашисты, как подходят войска, а о том, что ночью незаметно отсюда они уходят, об этом враги не знают.

Ясно фашистам: вот где готовится новое русское наступление! Здесь, под городом Суджей. Стянули под Суджу они войска, на других участках силы свои ослабили. Только стянули

– и тут удар! Однако не под Суджей. В другом месте ударили наши. Прорвали наши фашистский фронт.

«КУТУЗОВ»

Фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов известен всем. Это под его командованием русская армия в 1812 году разгромила полчища французского императора Наполеона I и изгнала их из России.

«Кутузов» – так была названа одна из советских военных наступательных операций во время Курской битвы. Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин дал этой операции имя великого русского полководца. Цель операции «Кутузов» – окончательно разгромить фашистские войска, действовавшие севернее Курска, и освободить город Орел. На город Орел и направили свой удар советские войска.

Вокруг Орла фашисты создали мощную оборону. Минные поля, проволочные заграждения, глубокие окопы и укрепленные траншеи со всех сторон прикрывали подходы к городу. обороной Орла командовал фашистский генерал Модель, который получил прозвище «Лев обороны».

Узнали наши солдаты про Моделя:

– Лев обороны! Посмотрим, что от фашистского льва останется.

В наступлении на фашистов, державших оборону в районе Орла, принимало участие сразу три фронта. Помимо Центрального, которым командовал генерал Константин Константинович Рокоссовский, Брянский и Западный. Первым ударил Западный. Он шел с севера на Орел.

Загремели, заговорили пушки. Началось то, что называют военные артиллерийской подготовкой. Вот закончится артподготовка, замолкнут пушки, и лишь тогда в атаку ринутся пехота и танки. Все сильнее, сильнее гремят орудия. Ждут фашисты, когда окончится артподготовка, знают: раньше не быть атаке.

И вдруг перед фашистскими окопами появились советские войска. Не умолкают, грохочут пушки, а тут – войска!

– Как?

– Чудом каким?

– Откуда?!

В боях под Орлом был применен новый советский военный прием: солдаты пошли в атаку, не дожидаясь конца артподготовки. Рвутся еще снаряды. Укрылись фашисты поглубже в землю, забились в свои окопы. А наши солдаты уже в атаке. Идут сразу же за огневым валом, сразу же за разрывами наших снарядов.

Не ожидали фашисты такой атаки. Растерялись. Замешкались.

Упустили для действий ответных время.

Ударил Западный фронт, и тут же ударил с востока Брянский.

Заметались фашисты. Помощь нужна! Помощь!

Стягивают они войска с юга, оттуда, где стоял готовый к атаке на север Центральный фронт. А тут ударил Центральный фронт.

С севера, с юга, с востока пошли войска.

Сокрушили, смяли войска трех советских фронтов фашистскую оборону. Ворвались в Орел победители. По-кутузовски провели операцию «Кутузов».

Докладывают в Москве Верховному Главнокомандующему товарищу Сталину:

– Ворвались в Орел победители. По-кутузовски войска провели «Кутузова».

Кабинет. Длинный стол. Стена. Поднял товарищ Сталин глаза. Два портрета висят напротив – портрет Суворова, портрет Кутузова.

Улыбнулся краешком глаз Верховный. Долго смотрел на портрет фельдмаршала.

«Румянцев»

Румянцев тоже фельдмаршал. Тоже прославленный русский полководец. Отличился фельдмаршал Петр Александрович Румянцев в сражениях с Турцией. Молодой генерал Суворов сражался в подчинении у Румянцева.

«Румянцев» – так называлась вторая наша наступательная операция, которую советские войска провели во время великой Курской битвы.

Задача «Румянцева» – ударить по войскам, которые находились южнее Курска, разгромить здесь фашистов, освободить город Белгород, с боем ворваться в Харьков.

Два фронта готовились к наступлению: Воронежский, которым командовал генерал Ватутин, и стоявший южнее Степной во главе с генералом Коневым.

Началась операция «Румянцев». И вот в одном из стрелковых полков оказался солдат Румянцев.

Смешно солдатам от такого совпадения:

– И там «Румянцев», и ты Румянцев!

– Ты, может, потомком будешь?

Посмотрел на солдат Румянцев.

– Потомок, – сказал Румянцев.

– Да ну?!

– Откуда знаешь?

– А чем докажешь?

– Потомок, – опять повторил Румянцев.

...На юге, так же, как на севере под Орлом, фашисты возвели мощные оборонительные сооружения. И тут окопы, и тут заслоны. Всюду пушки, всюду мины. Нелегко здесь солдатам вперед прорваться. Тут нужны герои-солдаты.

Накануне сражения полк, в котором служил Румянцев, был выдвинут к линии наступления. Совершали солдаты стремительный марш-бросок.

Шагают солдаты, а сами нет-нет глазом скосят на Румянцева. Каков он, солдат, в походе?

Идет солдат. Землю шагом солдатским мерит. Едва поспевают за ним другие.

– Ничего, – рассуждают солдаты. – Солдатскую статью имеет.

Ночевали солдаты во время похода. Расположились в степи, в овраге. Готовятся солдаты ко сну, к покою. А сами нет-нет на Румянцева глянут. Каков он, солдат, на привале?

Расположился солдат на отдых. Первым делом свой автомат прочистил. Сбегал к ручью, воды принес и себе и товарищам. Поделился с соседом куревом.

– Подходящ, – рассуждают солдаты, – что-то в солдате солдатское есть.

Утром шагнули бойцы в сражение. В атаке, в жарком бою солдаты, а сами нет-нет на Румянцева снова глянут: каков он в бою, Румянцев?

Лих оказался в бою Румянцев, бил фашистов направо-налево. Пулям не кланялся. За спину других не лез.

– Братцы, вперед! – увлекал солдат.

Смотрят солдаты.

– Хорош! Молодец! Ничего не скажешь. Настоящий, видать, солдат.

Сокрушили советские войска фашистскую оборону. С боем ворвались солдаты в Белгород. А вскоре освободили они и Харьков.

Повстречали солдаты солдата Румянцева. Не дает покоя бойцам неясность.

– Признайся же, братец, ты потомок того Румянцева?

Посмотрел солдат на бойцов загадочно.

– Потомок, потомок. Все мы потомки, – сказал солдат. – Потомки Румянцева. Внуки Кутузова.

Надежная интуиция

Накануне Курской битвы командный пункт командующего Центральным фронтом генерала Константина Константиновича Рокоссовского находился в одном из сел недалеко от линии фронта. Жил Рокоссовский в крестьянской избе. Напротив дома были каменные ворота в старинный запущенный парк. Рядом с домом – два великана тополя.

Фашистским летчикам показалось подозрительным это место. Приметили они и ворота, и дом, и два тополя.

Однажды прилетели сюда самолеты. Бросили бомбы. Час был поздний. В это время Рокоссовский обычно находился дома, принимал посыльных из штаба. Прилетели самолеты. Сбросили бомбы. Один самолет – осветительные. Другой – фугасные. И вот результат: снесли под корень фашистские бомбы дом. Воронка – где были тополи. Уцелел Рокоссовский совсем случайно. Всего лишь за несколько минут до налета назначил офицерам штаба для встречи другое место. Не оказалось в этот момент генерала в доме.

Улетели фашисты. Подошли к пепелищу командующий фронтом, ближайшие друзья и помощники Рокоссовского – генералы Телегин, Малинин и Казаков. Смотрят генералы на Рокоссовского: мол, скажи, Константин Константинович, какое чудо тебя толкнуло нарушить порядок в приеме работников штаба, что увело из дома?

Улыбнулся друзьям Рокоссовский:

– Интуиция.

Время двигалось. Близилась Курская битва.

Когда окончательно стало ясно, что фашисты предпримут прорыв под Курском, ударят и со стороны Орла и Белгорода, возник вопрос: как быть с населением? Раздались голоса за то, чтобы эвакуировать всех мирных жителей с территории Курского выступа.

Вот какой приводился довод: а вдруг осият фашисты, прорвутся к Курску, что же, снова наших людей к фашистам в рабство?

Генерал Рокоссовский во время спора решительно стал за то, чтобы людей не трогать.

– Не пустят наши войска фашистов, – сказал Рокоссовский.

– А вдруг не сдержат?

– Сдержат.

– А вдруг прорвутся?

– Не прорвутся.

– У них же «тигры»! У них «пантеры»!

– Не прорвутся, – опять Рокоссовский.

– Ваши гарантии?

Устал Рокоссовский спорить, сказал:

– Интуиция.

И верно. Не пустили наши войска фашистов. Подтвердились слова Рокоссовского.

После Курской победы, уже после освобождения и Орла и Белгорода, кто-то напомнил Рокоссовскому тот разговор:

– Товарищ генерал, значит, оправдалась, не подвела интуиция?

– Не подвела, – подтвердил Рокоссовский.

И следом за этим назвал количество советских танков и нашей артиллерии, нашей авиации и нашей пехоты, принимавших участие в Курской битве. Цифры были огромными. Превосходили наши фашистов в силе. И танков было больше, и самолеты лучше, и артиллерия более мощная.

– Была интуиция, – сказал Рокоссовский. – Надежная интуиция.

Поклон победителям

Завершается Курская битва. И вот на привале сошлись солдаты. Курили, дымили, бои вспоминали. Кого хвалили, кого ругали. Озорные слова бросали. Потом притихли. И вдруг заспорили солдаты, кто под Курском лучше других сражался, кто почестей ратных и ратной славы больше других достоин.

– Летчики – вот кто лучше других сражался, – брошено первое мнение.

– Верно!

– Верно! – пошла поддержка.

И верно, отличились под Курском летчики. Били фашистов в небе. С неба врагов громили. Тут герой подпирал героя. Сама доблесть надела крылья.

– Летчикам честь и слава. Почет наш великий летчикам, – соглашается чей-то голос. И тут же: – Однако под Курском не летчики, а танкисты лучше других сражались. Танкисты по праву в первых.

Вот и второе возникло мнение.

– Танкисты!

– Танкисты! – дружно пошла поддержка.

И это верно. Высшей мерой явили под Курском себя танкисты. Грудью своей железной сломали они фашистов. Если скажешь: герои Курска – первым делом на память идут танкисты.

– Танкисты – народ геройский. Нет тут другого мнения, – снова раздался голос. – А все же если тут говорить о первых, то первыми были под Курском артиллеристы. Артиллеристы, конечно, в первых.

Вот и добавилось третье мнение.

– Артиллеристы!

– Артиллеристы! – дружно пошла поддержка.

И это верно. Герои – другого не скажешь про артиллеристов. Говорили в те годы: артиллерия – бог войны.

– Артиллеристы, конечно, боги, – соглашается чей-то голос. – И все же если речь тут идет о первых, то, братцы, не к месту споры, пехота – вот кто законно в первых. Вот кто в боях под Курском сказал свое главное слово.

– Пехота!

– Пехота! – дружно пошла поддержка.

Спорят солдаты. Не рождается общее мнение. Начинается новый круг:

– Летчики в лучших!

– Танкисты в первых!

– Артиллеристы!

– Пехота, братва, пехота!

Спорят солдаты. Спору конца не видно.

Чем бы закончилось, трудно сказать. Да только здесь пробасил над всеми басами голос:

– Слушай радио! Радио слушай!

Бросились все к приемникам. В эфире гремит приказ. В честь великой победы под Курском, в честь взятия Орла и Белгорода объявлен салют победителям. В Москве, артиллерийскими залпами. Двенадцатью залпами из ста двадцати четырех орудий.

И тут же слова о героях битвы: о летчиках и танкистах, об артиллеристах и пехотинцах. Все они вровень идут в приказе. Все они в главных, все они в первых. Всем им и честь и слава!

Салют в честь войск, освободивших Орел и Белгород, был первым салютом Москвы победителям. С этого дня и пошли салюты.

Великой победой нашей армии завершилась грандиозная Курская битва.

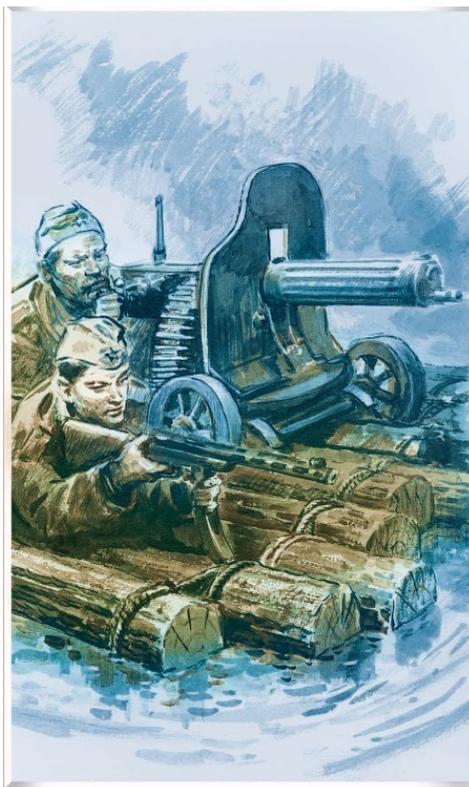
Изгнание фашистов. 1943-1944

Орден Славы 1-й степени

Советские войска наступали. Удары, которые они нанесли по фашистам, были роковыми для фашистских захватчиков. Начались годы поражений, годы окончательного изгнания фашистов с советских земель, время полного разгрома фашистов.

Советские воины наносили один за другим удары по фашистским захватчикам. Удары стремительные, неожиданные. Фронт растянулся на многие километры. Он шел от Баренцева моря на севере до Черного моря на юге. Фашисты метались, не зная, где, в каком месте наша армия нанесет очередной удар. Именно после Курской победы был освобожден Севастополь, была окончательно снята блокада Ленинграда.

Враги были еще сильными. Они упорно сопротивлялись. Они неохотно расставались с захваченной советской землей. Но не было уже силы, которая смогла бы остановить наступательный порыв советских войск.

О том, как советские войска громили фашистов на Украине, в Белоруссии, в Советской Прибалтике, в Молдавии, на Карельском перешейке, на Крайнем советском Севере, как окончательно изгоняли врагов с советских земель, как приблизили час полной нашей победы над фашистами, и познакомят вас рассказы, составившие следующую часть этой книги.

Восточный вал

После Курской победы наша армия быстро пошла вперед. Под ударами наших войск фашисты поспешно отходили на запад.

Широк, и могуч, и прославлен Днепр. Кручи седые стоят, как скалы. Словно ветер, быстра вода.

Здесь, на Днепре, на правом высоком его берегу, и укрепились теперь фашисты. Создали мощную оборону. Несокрушимой стеной подымается правый берег.

Свою оборону на Днепре фашисты назвали «Восточным валом».

Заявили фашисты:

– Непреступен «Восточный вал»!

Даже Гитлер сказал:

– Скорее Днепр потечет обратно, нежели русские здесь прорвутся.

Подожли наши части к Днепру. И тут же с ходу, без ожиданий, без остановки стали переправляться на правый берег. Устремились войска вперед.

Не сдержались фашисты:

– Стойте! Куда вы! Перед вами «Восточный вал»!

Переправляться через Днепр советские войска начали сразу же в нескольких местах.

Заметались фашисты по правому берегу. И здесь переправа, и там переправа. Гадают, где ожидать удара. Куда посылать резервы?

Доносит фашистским генералам разведка:

– У села Теремцы захвачена противником переправа.

Вступают фашисты в бой. Посылают под Теремцы подкрепление.

Новые вести несет разведка:

– У села Домантово захвачена противником переправа.

Посылают фашисты сюда подкрепление.

Все новые, новые вести идут с Днепра:

– Переправа у Припяти!

– Переправа южнее Припяти!

Много уже переправ.

– Переправы на север от Киева.

– Переправы южнее Киева.

– Переправы возле города Кременчуга!

На огромном пространстве в шестистах километрах от города Лоева до города Днепропетровска вышла наша армия к Днепру. И сразу же начала переправы. Наступают фронты под руководством

генералов Рокоссовского,

Ватутина,

Конева.

Наступают армии Пухова,

Чибисова,

Черняховского,

Шарохина,

Москаленко,

Монагарова и других генералов.

Наступают артиллеристы, танкисты, авиационные соединения и много других частей.

Колоссальная битва идет за Днепр. Сотрясаются левый и правый берега.

Не ожидали фашисты такого штурма. Затрещал их «Восточный вал».

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования координировал, то есть руководил, согласовывал, действия советских войск на Днестре Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков.

Смотрит маршал на переправы. Несокрушимо, как волны, идут войска. Все больше и больше огня и силы. Смотрит Жуков на эту силу:

– Вот он – Восточный вал!

Первые

Советские армии шли на Киев. Первыми переправу через Днепр в районе Киева начали бойцы 51-й гвардейской танковой бригады. Было это южнее Киева у села Великий Букрин. Но и среди этих были свои первые – это рота автоматчиков, которой командовал лейтенант Синашкин. Но и тут среди первых тоже нашлись первые.

Первыми были четыре бойца, четыре комсомольца, четыре гвардейца, четыре друга – Иванов, Петухов, Семенов и Сысолятин.

Четверо солдат должны были первыми переправиться на правый, занятый фашистами берег Днепра, открыть стрельбу, поднять панику среди фашистов, отвлечь их и тем самым дать возможность всей роте, а затем батальону, а потом и бригаде переправиться через Днепр.

И вот левый берег. Друзья провожают героев в путь.

– Удачи! – кричат Иванову.

– Удачи! – кричат Петухову.

Обнимают, хлопают по плечу Семенова и Сысолятина.

Тронулись в путь бойцы. Ночь. Тишина. Вот-вот проклюнется рассвет на востоке. Плавно лодка идет по спокойной днепровской глади. В лодке пятеро: четверо бойцов, пятый – местный партизан, проводник и перевозчик Алексей Шаповалов.

Бесшумно, беззвучно гребет Шаповалов. Опускает в воду без всплеска весла. Поднимает без всплеска весла. Уключины смазал смолой заранее.

– Лишь бы себя не выдать. Лишь бы пройти незамеченными, – беспокоится за сохранность бойцов Шаповалов.

Все ближе и ближе правый высокий берег.

Не обнаружили, не заметили фашисты лодку с советскими бойцами. Взмах веслами. Взмах. Еще взмах. Вот и уткнулась лодка носом в песчаный берег.

Вышли бойцы на берег. Простился с отважными Шаповалов. Поднялись балкой они на кручи. Завязали с врагом бой. Застрочили огнем пулеметы, заговорили огнем автоматы, полетели со свистом мины.

Решили фашисты: батальон тут, никак не меньше.

Идет на круче с врагом бой. А в это время там, на Днестре, начинают наши войска переправу. На лодках, на плотках, просто на бревнах, на досках, на надувных понтонах, на набитых соломой плащ-палатках, просто на связках ветвей и сена устремились солдаты на правый берег. За отделением рвется вперед отделение, за взводом стремится взвод, за ротой торопится рота. А вот и батальоны уже пошли. А вот и полки на днестровском марше.

Спыхватились фашисты, открыли артиллерийский огонь по Днестру. Вызвали авиацию. Но ни сталь, ни огонь не сдержали напор штурмующих. Все больше, все больше советских бойцов на том, на правом, берегу. Все шире, все шире плацдарм Букринский. Захватили плацдарм солдаты.

...Река начинается с первых капель. Урожай начинается с первых зерен. Дом начинается с первого камня. Все начинается с малого, с первого. Слава великая первому!

Солдаты Иванов, Петухов, Семенов и Сысолятин на Днестре, под Киевом были первыми. Они положили тогда начало. Все живы остались, все целы. Заслуженно звезды Героев их грудь украсили. Великая слава первым!

Горпина Павловна

Было это севернее Киева, у села Лютеж, на одной из переправ через Днепр.

Переправляться на правый берег советским бойцам помогали партизаны и местные жители. Была среди них и колхозница Горпина Павловна Трегуб.

Уважаемым человеком была Горпина Павловна в своем колхозе. Не раз отмечали ее за хороший труд. За доброту на селе любили. Двоих сыновей имела. Оба сражались в нашей армии.

Немолодой уже была Горпина Павловна. Лицо в морщинах, в мозолях руки.

Когда фашисты захватили ее родное село Сваромье, Горпина Павловна припрятала лодку. Стояла она за сараем, за поленницей дров. Следила за ней Горпина Павловна, оберегала. Верила: наступит минута – верную службу лодка сослужит советским воинам. Ждала она наших солдат. В нашу победу верила.

Затем шепнула про лодку своей соседке.

– Для наших, – сказала Горпина Павловна.

Подивилась соседка. Потом подумала: так ведь верно – наши придут с востока, с той стороны Днепра, как же наших встречать без лодок.

От соседки пошло к соседке, от дома к дому, от улицы к улице. Вот и у других людей появились лодки. Стояли они в селе за домами, за сараями. Дожидались своей минуты.

Дожидались.

Когда началась переправа советских войск у Лютежа, Горпина Павловна в числе первых явилась со своей лодкой к Днепру. Кто был помоложе – к Горпине Павловне:

– Куда же ты, старая?!

– Туда, к нашим, на левый берег.

Села в лодку, взмахнула веслами, первой приплыла к нашим.
Приплыла, остановилась, поклонилась солдатам в пояс.
– С приходом, родимые. Садитесь, сыночки. За вами прибыла.
Смотрят солдаты: старая женщина.
– Кто же ты такая?
– Мать я солдатская.
Сели солдаты в лодку.
Обратилась к солдатам Горпина Павловна, спрашивает о сыновьях:
– Родимые, Семена Трегуба не знаете? Антона Трегуба не знаете?
– Нет среди наших, – сказали солдаты.
– Понятно, – ответила женщина. – Значит, не время, значит, еще идут.
Оттолкнулись солдаты от берега. Села Горпина Павловна на весла. Кто-то сказал:
– Давай поможем, мамаша.
– Сидите, сидите, – улыбнулась Горпина Павловна. – Ваше дело там, впереди. – Заработала быстро веслами. – Лодка меня уже пятьдесят лет как слушается. Кума я Днепру, родимые.
Перевезла женщина первую партию бойцов через Днепр и снова на левый берег. То на левом она берегу, то на правом. То на правом, то вновь на левом.
Встречает женщина наших воинов:
– Семена Трегуба не знаете? Антона Трегуба не знаете?
– Нет среди наших, – опять ответ.
Вздыхнет Горпина Павловна:
– Значит, еще идут.
И снова за весла. И снова на правый, на левый берег.
Солнце клонилось к вечеру. А Горпина Павловна все с тем же вопросом к солдатам:
– Семена Трегуба не знаете? Антона Трегуба не знаете?
И вдруг:
– Знаем! Знаем! – кричат солдаты. – Тут они оба.
Вышли к берегу оба. Красавцы. Гвардейцы. Каждый в саженный рост.
– Родимые! – вскрикнула старая женщина. Упала гвардейцам в слезах на грудь.
Пробегал офицер:
– Почему задержка?
Слышит в ответ:
– Мать тут. Мать пришла солдатская.
Закончилась переправа. Потом, уже на том берегу, солдаты друг друга спрашивали:
– Как переправился?
– С Горпиной Павловной.
– А ты?
– С ней же, с Горпиной Павловной!
– Значит, выходит, крестники!
Много оказалось крестников у Горпины Павловны. И вправду мать она солдатская.

Невидимый мост

Мост не игла, не булавка. Мост обнаружишь сразу.

Первые советские части переправились на правый берег Днепра вплавь – на катерах и лодках.

Однако армия – это не только люди. Это и машины, и танки, и артиллерия. Для автомашин и танков необходимо горючее. Боеприпасы – для танков и артиллерии. Не переправишь все это вплавь. Не годятся здесь катера и лодки. Необходимы мосты. К тому же прочные, грузоподъемные.

Заметили как-то фашисты, что на одном из днепровских плацдармов вдруг появилось много советских солдат и военной техники. Ясно фашистам: значит, где-то рядом построили русские мост. Отправились на поиск моста самолеты-разведчики. Летали, летали пилоты. Брали севернее от плацдарма, брали южнее, поднимались вверх по течению Днепра, опускались вниз, к самой воде снижались – нет, не видно нигде моста.

Вернулись летчики из полета, докладывают:

– Не обнаружен мост. Видимо, нет моста.

Гадают фашисты: как же, каким тогда чудом переправились русские? Вновь посылают они разведку. Опять на поиск ушли самолеты.

Один из пилотов оказался других упорнее. Летал он, летал, и вдруг – что такое? Смотрит, глазам не верит. Протер глаза. Снова смотрит, опять не верит. Да и как тут поверишь! Там внизу, под крылом, через Днепр идут советские солдаты. Идут без моста, по воде и не тонут. А вот и танки тронулись следом. И эти идут по воде. И эти – вот чудеса! – не тонут.

Вернулся летчик поспешно на аэродром, генералу докладывает:

– Идут по воде солдаты!

– Как по воде?!

– По воде, по воде, – уверяет летчик. – И танки идут и не тонут.

Сел генерал к летчику в самолет. Подлетели они к Днепру. Все верно: идут по воде солдаты. И танки тоже идут и не тонут.

Смотришь вниз – чудеса, да и только!

В чем же дело? Соорудили мост так, что настил его не возвышался над водой, как обычно, а, наоборот, уходил под воду – ниже уровня воды укрепили настил саперы.

Глянешь на этот мост – все верно: идут по воде солдаты.

Люто бомбили фашисты мост. Бомбили, да бомбы летели мимо. Вот ведь какой сверхчудесный мост.

Снег на голову

5-й гвардейский танковый корпус под командованием генерала Кравченко быстрым маршем шел на помощь войскам, удерживавшим Лютежский плацдарм на Днестре под Киевом.

Путь к Днестру танкистам преграждала река Десна. Десна в этих местах глубокая, дно у нее неровное, течение быстрое. Чтобы преодолеть ее, танкам нужны тяжелые паромы или мосты. Мост за час не построишь. А у Лютежа ждут помощи. Нажимают здесь фашисты на наших. Вот-вот и сбросят наших солдат с плацдарма.

Знают фашисты, что с востока в этих местах Днестр прикрывает река Десна. Знают, что Десна здесь глубокая, с быстрым течением. Не пройдут тут танки. Не поддержат вовремя пехоту под Лютежем. Спокойны фашисты. И вдруг:

– Танки под Лютежем!

– Танки под Лютежем!

Как же здесь появились танки?

Когда подошли наши танки к Десне и остановились, командир корпуса генерал Кравченко обратился к местным жителям:

– Есть броды?

– Да как сказать, – отвечают местные жители. – Для кого, может быть, и нет, а для кого и есть. Для человека брода, конечно, нет, для телеги тоже. А для танка, может, и сыщется.

Хочется им, чтобы для танков сыскался брод.

Стали танкисты исследовать дно реки, выискивать, где глубина поменьше, где дно потверже.

Стали и местные жители помогать.

– Вот тут помельче.

– Вот тут наискосок удобнее.

Искали-искали танкисты удобные места, и все же самая малая глубина в полный рост танка. Если попробовать переходить Десну бродом, то лишь чуть-чуть башенный люк из воды покажется.

– Да-а!

Задумался генерал Кравченко. Задумались и другие танковые командиры.

– И все же выбора у нас нет, – наконец сказал командир корпуса. – Будем форсировать Десну бродами.

Отдал генерал Кравченко приказ о форсировании. Пришлось танкистам проявить солдатскую смекалку и изобретательность.

Все щели и отверстия в танках законопатили паклей, промазали смолой. На выхлопные трубы надели брезентовые рукава и вывели их так, чтобы они поднимались выше уровня реки. На реке вдоль брода установили вешки.

И вот для пробы двинулся первый танк. Замерли все на берегу, впились глазами в танк: пройдет – не пройдет, пройдет – не пройдет.

Опустилась громада в воду.

Все выше вода, все выше, все ниже в воду уходит танк. Люк на танке открыт. Из люка выглядывает командир. Следит за вешками, подает команду вниз водителю. Водитель сидит в темноте, ничего не видит. Лишь крепко вцепился в рычаги, выполняет команды командира.

Медленно ползет танк. На первой скорости. Как ни задраивали, ни конопатили щели, а все же вода проникает в танк. У механика-водителя ноги уже в воде. Вот достигла вода пояса. Задержалась. Выше пошла. Вот плеч достигла. Секунда – и побежит за ворот.

Но всё. Дальше вода не двинулась. Остановилась. Отступила вода обратно. Вот отпустила грудь. Вот отошла до пояса. Вот лишь ноги одни в воде. Вот и вовсе вода исчезла.

Вышел танк из Десны. Взревел мотором. Дернулся. Отряхнулся, как огромная утка.

60 боевых машин, весь танковый корпус, прошли тогда по дну Десны. Явились танкисты под Лютеж, как во времена Суворова, словно снег на голову, словно лавина с гор.

«Танк на голову» – называли солдаты этот бросок танкистов.

Отпуск

Много советских армий принимало участие в битве за Днепр. В том числе и армия, которой командовал генерал Иван Данилович Черняховский.

Был Черняховский одним из самых молодых и самых любимых солдатами генералов.

Началась эта история как раз перед самым наступлением на Днепр. Армия готовилась к предстоящим боям. В полках и дивизиях проводились различные тактические учения. Вернулся как-то Черняховский с учений к себе в штаб. Стал принимать доклады от штабных офицеров.

Подают офицеры командующему различные бумаги. Одни для ознакомления, другие на подпись, третьи для соответствующих распоряжений.

Вот и еще бумага.

– Товарищ командующий, – докладывает офицер. – На ваше имя по команде получен рапорт сержанта Турушканова.

Сержант Турушканов просил предоставить ему краткосрочный отпуск домой. Случай был редкий. С фронта в отпуск просились в исключительных случаях.

Вызвал генерал Турушканова:

– Слушаю вас, сержант. Что там у вас случилось?

Растерялся солдат от неожиданности. Не думал, что к командующему его вызовут. Стоит, о просьбе сказать не решается.

– Слушаю вас, сержант, – повторил Черняховский.

Рассказал солдат. Оказалось, тяжело заболела у Турушканова мать. Сын он один. Нет никого у нее родных. Вот и просился сержант на несколько дней домой.

Посмотрел Черняховский на солдата, на его гимнастерку. Там, где у других ордена, медали – у Турушка-нова пусто. Подумал генерал, произнес:

– Скажите, а что, если вы поедете через три-четыре дня?

Обрадовался солдат:

– Можно и через три-четыре, и через пять, товарищ генерал.

– Вот и хорошо. Это я говорю к тому, – сказал Черняховский, – что неудобно фронтовику появляться в родных местах без награды.

– Так не было случая... – замялся солдат.

– Будет случай, – сказал Черняховский.

Отпустил генерал Турушканова.

А на следующий день пошла армия в наступление. Прорвала фашистский фронт и устремилась к Днепру.

Лихо сражался сержант Турушканов. В первом же бою уничтожил 12 фашистов.

Орденом Красного Знамени был награжден солдат Турушканов. Сам генерал Черняховский награду ему вручил.

– Ну вот, теперь можно и в отпуск, – сказал Черняховский.

Поехал солдат героем в родную деревню. То-то в деревне радость!

Ценил Черняховский смелых. Он и сам отличался необыкновенной храбростью. Дважды Героем Советского Союза был генерал Иван Данилович Черняховский.

Вскоре после разгрома фашистов на Днепре Черняховского назначили командовать фронтом. Было тогда генералу всего 37 лет.

Войска под командованием генерала Черняховского освобождали Белоруссию и Прибалтику. Затем сражались на фашистской земле в Восточной Пруссии.

Штурмовали столицу Восточной Пруссии город-крепость Кёнигсберг.

Война приближалась к концу.

Но не дожидаясь до великого Дня Победы. Смертью героя он пал в бою.

Погиб генерал. Однако славу навек оставил. Добрую славу, солдатскую славу.

С Букрина, с Лютежа?

Удержали наши войска под Киевом переправы, создали два крупных плацдарма. Один – южнее Киева, недалеко от селения Великий Букрин. Этот плацдарм назывался Букринским. Второй был создан севернее Киева, у селения Лютеж. Это был Лютежский плацдарм.

Решался вопрос, с какого плацдарма начать наступление на Киев. Решают этот вопрос советские генералы. Ломают головы и фашисты. Наши решают, где лучше ударить. Фашисты – где же ударят наши?

Гадают фашисты:

– С Лютежа, с Букрина?

– С Букрина, с Лютежа?

Усилили фашисты разведку и наблюдение. Всё учитывают, всё подсчитывают, всё взвешивают. Приходят к выводу: скорее всего, русские ударят с Букрина.

И действительно, собирались вначале советские войска атаковать с Букрина. Однако затем изменили решение. Главный удар на Киев было решено произвести с Лютежского плацдарма.

Изменить направление на штабных картах дело совсем простое. А вот передвинуть незаметно войска, технику и снаряжение на новое место куда сложнее. Рыщут в небе фашистские самолеты-разведчики, зорко следят за дорогами.

Танки и артиллерию стали перемещать скрытно, ночью. Но и это тоже не самое сложное. Сложнее сделать так, чтобы неприятель не заметил, что опустели, оголились старые позиции. Тогда и здесь, как под Суджей, на месте настоящих танков и пушек, ушедших под Лютеж, устанавливали наши бойцы танки и пушки, сделанные из фанеры.

Доносят фашистские разведчики:

– Все без изменений. Танки и орудия на старых стоят позициях.

Но и этого мало.

Опустели во многих местах штабные помещения и командные пункты. Ушли командиры со своими соединениями на Лютежский плацдарм. Однако нельзя, чтобы об этом догадались, узнали фашисты, – не все ушли из штабов. Остались здесь небольшие группы. Остались и радиостанции. «Трудятся» в полную силу штабы. Даже «работу» еще усилили. Не умолкают радиостанции.

Доносят фашистские разведчики:

– Усилили работу штабы у Букрина.

– Не утихают радиостанции.

Ясно фашистским генералам: правы они в своем предположении – прорыв будет здесь, под Букрином.

И вот 1 ноября 1943 года советские войска на Букринском плацдарме действительно перешли в наступление. Сняли фашисты дивизии с соседних участков фронта, в том числе и из-под Лютежа, и перебросили сюда, под Букрин.

Торжествуют фашисты:

– Разгадали мы планы русских!

Выждали наши, когда всю разгорелось сражение, и только тут-то ударили из-под Лютежа.

Хорошо был продуман удар советскими генералами. Затрещала фашистская оборона. Прорвали ее солдаты. Прорвали, пошли на Киев.

Киев

Село Новопетровцы. Рядом с Лютежем. Здесь командный пункт командующего 1-м Украинским фронтом генерала армии Николая Федоровича Ватутина. Зорко Ватутин следит за боем.

Генерал Ватутин был одним из наиболее талантливых полководцев Великой Отечественной войны. Вместе с другими он бил фашистов под Сталинградом. Это он громил фашистов южнее Курска, вышел теперь к Днепру.

Идет наступление на Киев. Поступают на командный пункт донесения:

– Артиллерия усилила огонь по противнику.

– Так. Хорошо, – отвечает Ватутин.

– Дивизии двинулись на прорыв.

– Так. Хорошо. Поднять самолеты в воздух!

– Танки подходят к дачным районам Киева.

– Так-так... Хорошо. Усилить огонь на флангах! Фашисты упорно сопротивлялись. Они стали подтягивать сюда, на Лютежский плацдарм, свежие силы. Разобрались теперь фашисты: не со стороны Букрина – со стороны Лютежа главный идет удар. Гонят сюда, на север от Киева, фашисты свои войска.

«Опередить, не дать им опомниться!» – принимает решение Ватутин. Поступает приказ войскам продолжать наступление и ночью.

– Бросить в прорыв танкистов! – распорядился Ватутин. – Пусть зажгут фары. Побольше жизни!.. Побольше жара!..

– Есть побольше жизни, побольше жара! – ответили танковые командиры.

Зажгли танкисты мощные танковые фары. Слепили фары фашистов. Включили мощные танковые сирены. Оглушили врагов сирены. Открыли танкисты огонь из пушек и пулеметов.

Не устояли фашисты. Бросились в бегство.

– Бросились в бегство фашисты, – докладывают на командный пункт генералу Ватутину.

– Так. Хорошо, – отвечает Ватутин. – Ну что ж, вперед, на Киев!

Советские войска ворвались в пригороды Киева и устремились к центру.

Идут, идут... входят в Киев советские воины. Вот Брест-Литовское шоссе. Вот завод «Большевик». Киевская кинофабрика. Зоопарк. Вот бульвар Ленина. Киевский университет. Памятник Тарасу Григорьевичу Шевченко. И вот наконец Крещатик. Крещатик – центральная, красивейшая улица города. Только сейчас весь разбит, в руинах лежит Крещатик. Вышли сюда солдаты, подняли над Крещатиком, над Киевом красный флаг.

– Наши войска на Крещатике, – докладывают на командный пункт генералу Ватутину.

– Так-так... Хорошо. Молодцы! Поздравляю! – отвечает Ватутин. – Сегодня Киев, а завтра, смотри, – Берлин.

Только не пришлось генералу Ватутину брать Берлин. Вскоре после освобождения Киева скончался он от ран, полученных в тяжелых боях за Родину. Ныне цветет, хорошеет Киев. Снова в садах, в каштанах. Крещатик – опять красавец. Над Днепром, на высокой днепровской круче, в парке, поднялся памятник советскому генералу. Это памятник генералу армии Николаю Федоровичу Ватутину.

Горы

Слева и справа холмы чуть заслонили небо. Между ними лежит равнина. Февраль. Снег укутал холмы и поле. Вдали, чуть виден, стоит ветряк. Ворон над полем раскинул крылья.

Страшно глянуть сюда, на поле. И вширь и вдаль, куда только хватает глаз, фашистских мундиров горы. А рядом горы сгоревших танков, разбитые пушки – металла сплошные груды.

В этих местах шла Корсунь-Шевченковская битва.

Корсунь-Шевченковский – город на Украине. Здесь, южнее Киева, недалеко от Днепра, в январе 1944 года, продолжая громить фашистов, советские войска окружили десять дивизий врага.

Предложили наши фашистам сложить оружие. Направили парламентаров. Вручили они фашистскому генералу Вильгельму Штеммерманну, который командовал окруженными гитлеровцами, наши условия.

Отклонил предложение Штеммерманн. Отдали ему из Берлина строжайший приказ держаться.

Крепко держались фашисты. Но сжали, сдавили фашистов наши. И вот осталось у фашистов совсем немного – село Шендеровка, село Комаровка, местечко на взгорке Скибин.

Стояла зима. Февраль набирал силы. Вот-вот завьюжит.

Погодой и намеревался воспользоваться Штеммерманн. Решил он дожидаться метельной ночи и двинуться на прорыв.

– Не все, господа, потеряно, – сказал Штеммерманн офицерам. – Укроет нас вьюга. Пробьемся из плена.

– Укроет нас вьюга, – вторят офицеры.

– Укроет нас вьюга, – зашептались солдаты. – Пробьемся из плена. Вырвемся.

Ждут все вьюгу. На снег и буран надеются.

Явились буран и снег.

Собрались фашисты в ряды, в колонны. Двинулись на прорыв. В метельную ночь незаметно пройти надеялись. Однако были на страже наши. Зорко следили они за фашистами. Село Шендеровка, село Комаровка, местечко на взгорке Скибин – здесь и грянул последний бой.

Не спасли фашистов февраль и вьюга. Сражались фашисты с напором, с упорством. Шли, как безумные, напролом. Прямо на пушки, прямо на танки. Однако не у фашистов сила была – у наших.

Страшно после сражения было глянуть на поле битвы. Генерал Штеммерманн тоже остался на этом поле. «Укроет нас вьюга», – вспомнил свои слова.

55 тысяч фашистских солдат и офицеров было убито и ранено в Корсунь-Шевченковской битве. Много тысяч попало в плен.

Ходит, гуляет по полю вьюга, укрывает снегом солдат фашистских.

Оксанка

- Воевал?
- Воевал!
- И ты воевал?
- И я воевал!
- И Манька, – сказал Тараска.
- И Оксанка, – сказала Манька.

Да, воевали ребята: и Тараска, и Манька, и Богдан, и Гришка, и, представьте, Оксанка тоже, хотя Оксанке всего-то неполный год.

В дни, когда только-только окружили наши войска фашистов под Корсунь-Шевченковским, стояла небывалая для этой поры распутица. Морозы ослабли. Началась оттепель. Дороги размякли, разбухли, раскисли. Не дороги, а слезы, сплошная хлябь.

Буксуют машины по этой хляби. Тягачи бессильны на этой хляби. Танки и те стоят. Остановилось кругом движение.

- Снарядов! Снарядов! – на фронте кричат батареи.
- Дисков! Дисков! – требуют автоматчики.

Кончается минный запас на фронте, скоро не станет гранат, пулеметных лент.

Нужны войскам мины, снаряды, гранаты, патроны. Однако остановилось кругом движение.

Нашли бойцы выход. На руках понесли снаряды, на руках потащили мины. Гранаты, фугасы, диски взвалили себе на плечи.

Видят жители местных сел, в чем нужда у нашей армии.

- И мы не безрукие!
- Давай груз и для наших плеч!

Пришли колхозники на помощь советским воинам. Нагрузились люди свинцовой ношей. К фронту сквозь хляби двинулись.

– И я хочу, – заявил Тараска.

– И я хочу, – заявила Манька.

И Богдан, и Гришка, и другие ребята тоже.

Посмотрели на них родители. Взяли с собой ребят. Нагрузились и дети для фронта ношей. Тоже несут снаряды.

Получили солдаты боеприпасы. Снова огонь по врагам открыли. Заухали мины. Заговорили, забили пушки.

Возвращаются ребята домой, слушают, как рвутся вдали снаряды.

– Наши, наши снаряды! – кричат ребята.

– Ура!

– Бей фашистов! – кричит Тараска.

– Бей фашистов! – кричит Богдан.

И Манька кричит, и Гришка кричит, и другие ребята тоже. Рады ребята: помогли они нашим.

Ну а при чем же, скажете вы, Оксана? Оксанке всего-то неполный год.

Мать Оксанки тоже хотела помочь солдатам. Но как быть с Оксанкой? Не с кем оставить Оксанку дома. Взяла ее мать с собой. Сзади, за плечами, несла она мешок с дисками для автоматов, а впереди на руках Оксанку. Для забавы сунула ей патрон.

Когда достигли колхозники назначения и вручили бойцам поклажу, один из бойцов увидел Оксанку, подошел, наклонился:

– Откуда ты, малое?

Посмотрела на бойца девочка. Улыбнулась. Моргнула. Протянула ему ручонку. Смотрит боец: на ручонке лежит патрон.

Принял боец патрон. В обойму автоматную вставил. «Спасибо», – сказал Оксанке.

НОВЫЕ ПОГОНЫ

Город Корсунь-Шевченковский называется Шевченковским потому, что здесь недалеко от старинного города Корсуня находится деревня Моренцы. Моренцы – родина великого украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко. В память о великом украинском кобзаре город и назван Корсунь-Шевченковским.

Разгромом фашистских войск под Корсунь-Шевченковским руководил генерал армии Иван Степанович Конев.

Конев – заслуженный генерал. И до этого бил фашистов. Войска под его командованием сражались под Москвой, под Калинином. Вместе с другими громили фашистов в Курской битве. Освобождали город Белгород, город Харьков. Штурмовали Днепр и «Восточный вал».

И вот новая победа войск генерала Конева. Завершилась битва под Корсунь-Шевченковским.

Завершилась битва. Вдруг телефонный звонок в штабе у генерала Конева. Звонок из Ставки Верховного Главнокомандующего. У провода сам Верховный. Взял трубку генерал Конев:

– Генерал Конев слушает, товарищ Верховный.

– Маршал Конев, – поправила трубка.

Смутился Конев. Не думал. Не ожидал он такой награды.

– Как вы смотрите? Не возражаете? – слышится голос в трубке.

– Благодарю, товарищ Сталин, – ответил Конев. И по-солдатски: – Служу Советскому Союзу.

– Поздравляю, – сказал Верховный.

Промолчал Конев про разговор с Верховным Главнокомандующим. Куда торопиться. Пройдет еще время, пока о новом звании генерала Конева сообщат газеты.

Отправился Конев в Моренцы, в родное село Тараса Григорьевича Шевченко. Там находился командный пункт командующего одной из армий, подчиненных Коневу.

Прибыл Конев. Вытянулся дежурный офицер. Приступил к докладу:

– Товарищ маршал...

Удивился Конев.

– Генерал, – поправил.

– Товарищ маршал, – вновь повторил дежурный.

Оказывается, пока ехал Конев сюда, в Моренцы, уже сообщили из Москвы по радио о новом звании генерала Конева. Окружили Конева боевые товарищи. Поздравляют. Радуются. А тут и еще одно. Послышался вдруг над Моренцами гул самолета. Самолет маленький, связной.

Сел самолет у самого села, подкатил к главной улице. Вылез из кабины летчик. Сообщает, что прилетел он от маршала Жукова, разыскивает маршала Конева.

– Здесь маршал Конев, – сказали летчику.

– Имею пакет для личного вручения.

Проводили летчика к маршалу Коневу.

– Пакет от маршала Жукова, – докладывает летчик.

Передал он пакет. Распечатал Конев. В пакете погоны – новенькие, маршальские. Личный подарок маршала Жукова маршалу Коневу.

Удивительным оказалось село Моренцы. Здесь узнал о присвоении ему высокого воинского звания – маршал бронетанковых войск – и еще один из героев Курской битвы и битвы под Корсунь-Шевченковским, прославленный танковый генерал Павел Алексеевич Ротмистров.

Вот так село Моренцы! Село – шевченковское, а теперь и маршальское.

«Багратион»

«Багратион» – так называлась огромная наступательная операция, которую провели наши войска, освобождая Белоруссию.

Проходила она летом 1944 года.

Петр Багратион – сподвижник и ученик Александра Суворова, ближайший соратник Михаила Кутузова. Это был решительный генерал. Называли его генерал-атака. Такой же решительной, наступающей была и Белорусская операция. Принимали в ней участие войска четырех фронтов.

Долго и скрытно готовилась операция. Составлялись планы. Намечались места ударов. Подвозилось новое вооружение, горючее, боеприпасы. Сосредоточивались в нужных местах войска.

В июне 1944 года белорусская стратегическая операция «Багратион» началась. Сразу четыре фронта пошли в грандиозное наступление. Наши наступали с севера, востока и юга.

Устремились войска вперед, сломили фашистскую оборону. И вот с фронтов одно за другим сообщения:

– Наши войска окружили фашистов под городом Витебском.

Вступили в Жлобин.

Фашисты бегут из Орши.

Взят Могилев.

Фашисты окружены под Бобруйском.

Взяты Слуцк,

Борисов,

Вилейка,

Несвиж.

И вот самое важное. 3 июля 1944 года наши войска освободили столицу Советской Белоруссии город Минск. Не только освободили Минск, но восточнее города окружили фашистов, загнали в большой «котел». Дальше пошли войска. И снова идут сообщения: – Взяты Полоцк,

Молодечно,

Ошмяны,

Лепель.

Наши в Барановичах!

Наши в Гродно!

Пинск встречает освободителей.

Лида свободна!

Свободен Слоним!

Все дальше, дальше отодвигается линия фронта. Все больше белорусской земли свободной. Продолжают войска наносить удары.

Собрались как-то командующие всех четырех фронтов, гнавших по белорусской земле фашистов, – генералы Рокоссовский, Черняховский, Баграмян, Захаров. Собрались другие военачальники. Вместе со всеми и представители Ставки Верховного Главнокомандования маршалы Жуков и Василевский. Посмотрел на соратников маршал Жуков:

– Не посрамили, выходит, память.

Догадались советские генералы:

– Багратиона?

– Багратиона, – ответил Жуков.

Два процента

Произошло это в городе Витебске. Через Витебск протекает река Западная Двина. Затем течет она по территории Латвийской Республики и называется Даугава. Витебск стоит на холмах, на кручах. Забрались дома на кручи. Смотрятся в воды Двины, как в зеркало.

В городе через Западную Двину переброшен мост. Многие при штурме Витебска зависело от этого моста. Мост был заминирован. Поднять его в воздух дело одной секунды.

Группа саперов под командованием сержанта Блохина получила задание захватить мост и обезопасить его от взрыва.

Выполнить такое задание чрезвычайно сложно, почти невыполнимо. Гарантия удачи – два процента из ста возможных. Чуть что – взорвут немедля фашисты мост.

Главное, понимает Блохин, это убрать охрану. Но надо тихо, всех сразу, в один момент.

– Да, братцы, нелегкое нам задание, – вслух произнес Блохин.

И солдаты понимают: задание сложное. Даже если один из фашистов в живых останется – пропал непременно мост. Лучше всего напасть на охрану моста, конечно, в ночное время. На ночь и отложили бойцы атаку. А пока подобрались тихонько к мосту, залегли, наблюдают за охраной. Зорко следят бойцы. Считают, сколько фашистских солдат охраняет мост. Когда меняются караулы. Где находится помещение для караула. Чем вооружена охрана. Есть ли пулеметы, и если есть, то сколько их и где установлены.

Все подсчитали солдаты, все на заметку взяли. Начинают теперь другое: откуда и как наступать на мост, кому и что при атаке делать.

Распределили. Запомнили. Перепроверили.

Наступила ночь. Двинулись в путь саперы. Шли осторожно. Как лисы крались. В кулак дышали.

Бросились дружно они на охрану. Ура! Перебита в бою охрана. Неповрежденным остался мост.

Довольны солдаты. Обниматься даже на радостях стали. И вдруг! Что такое? Блеснул в темноте огонек на мосту, побежал золотистой змейкой.

Так это ж горящий бикфордов шнур. Все же успели фашисты поджечь запал. Вот он, бежит огонь. Секунда всего до взрыва.

И в то же мгновение сержант Блохин² рванулся к запалам, навстречу смерти. Быть бы разнесенным в куски герою. Да на какую-то долю секунды опередил, обогнал он смерть. Успел Блохин. Подлетел он к запалам. Рванул их руками. Как жало из пасти вырвал.

Утром шли по мосту солдаты. Шла артиллерия. Двигались танки. Открылся им дальше на запад путь. Идут солдаты, скрипит под ногами надежно мост. Не знали солдаты про подвиг саперов.

– Эх и дурни, смотрю, фашисты, – кто-то сказал из бойцов. – Такой-то мостище и нам оставили.

– Конечно, дурни, – сказал второй. – Повезло, не иначе, нашим.

² За свой подвиг сержант Блохин был удостоен высокой награды – он стал Героем Советского Союза.

Танк

Город Борисов. Река Березина. Мост через Березину у Борисова. Прорвались наши войска к Борисову. Первым вышел к мосту танк лейтенанта Рака. Вскочили танкисты с ходу на мост. Стрелой влетели в Борисов.

Эти ворвались, другие нет. Рухнул Борисовский мост сразу за танком Рака. Мост был минирован. Взорвали его фашисты.

Остался лейтенант Рак со своим экипажем один в большом, полном фашистов городе. Глянул Рак на своих боевых друзей, на стрелка, на механика:

– Ну что же – вперед!

– Вперед! – подтвердили стрелок и механик.

Устремилась вперед машина. Начал танк небывалый поход по городу.

Недалеко от моста находилась фашистская комендатура. Фашистов много у здания. Входят, выходят.

Видят танкисты – комендатура.

– На фашистов! – скомандовал лейтенант Рак.

Развернулся танк, проломил забор, словно с неба во двор свалился. Видят фашисты – советский танк.

– Танки! – кричат фашисты.

Как горох, врасыпную враги пустились. Момент – и гол, как ладошка, двор.

Направил пушку стрелок на здание. Ударил пушка снарядом в дом. Проломилась стена, осела. Видна, как печать, отметина. Двинулся дальше танк. Вышел прямо к штабу какой-то части. И тут у штаба полно фашистов. Входят, выходят. Толпой запрудили двор.

Видят фашисты – советский танк.

– Танки! – кричат фашисты.

И тут их словно бураном сдуло. Правда, не все успели. Часть полегла под танком.

Дальше движутся танкисты. На пути у бойцов столовая. И тут у столовой полно фашистов. Входят, выходят. Как галькой усыпан двор.

Видят фашисты – советский танк.

– Танки! – кричат фашисты.

Метнулись и эти ветром. Лишь пыль от сапог поднялась. Усмехнулись танкисты в танке. Пустили вслед пулеметную очередь. Снова идут по городу. Наводит советский танк на фашистов ужас. Глаза велики у страха. Разные слухи пошли о танке.

Мол, танк не зря через мост прорвался. Это какой-то особый танк. Что танк и вовсе не через мост проскочил в Борисов. Что это летающий вроде танк.

Потом новые слухи вползли в Борисов.

Мол, танк не один, а в Борисов рота прорвалась танков. Кто-то сказал – танковый батальон. И этому тоже поверили.

Глаза велики у страха – танк превратили в полк.

16 часов ходил по Борисову русский танк. Сеял огонь и панику.

Но вот окружили фашисты советских танкистов. Вышли навстречу «тигры». Неравными были, конечно, силы.

– Стоим до последнего! – прозвучали слова танкистов.

Не сдались танкисты. В неравном бою погибли.

При въезде в Борисов, у моста, у речного откоса, на пьедестале возвышается нынче советский танк. Погибли герои. А память осталась. Застыла легенда в железе, в камне.

«Инженерная операция»

Белоруссия – край болот. Царица трясин и топей. Сражаться в таких местах и легко и трудно. Легко в обороне стоять. Наступать по болотам трудно.

Готовился план разгрома фашистов под городом Бобруйском. На пути к Бобруйску находился город Паричи. Паричи стоят на реке Березине. Решался вопрос, с какой стороны ударить на Паричи: с юга, с правого берега Березины, или с востока, с левого ее берега.

Впрочем, по всем военным наукам ударить здесь можно было только с востока. На юг от Паричей тянулись болота: те самые – белорусские, бездонные.

Ясно фашистам: если и будет удар на Паричи, так только с востока. Ясно и нашим, что если идти на Паричи, то, конечно, с востока только.

Ясно-то ясно, однако душа у наших командиров не лежит к тому, чтобы идти с востока. Укрепились здесь сильно фашисты. Ждут отсюда они удара. Пристреляли дороги, тропы. Разложили фугасы, мины.

Армией, которая должна была здесь наступать, командовал генерал Павел Иванович Батов. Ломает над планом операции голову Батов. Ездит на левый берег Березины, туда, где сухо, где и надо наступать по всем военным наукам; ездит на правый, туда, где болота, где по этим самым наукам наступать категорически нельзя. Замечают солдаты, что генерал все чаще и чаще ездит на правый берег.

Армия Батова входила в состав 1-го Белорусского фронта. Командовал фронтом генерал Константин Константинович Рокоссовский. И Рокоссовский ломает голову. Все обдумывает операцию. Ездит на левый берег Березины, ездит на правый. Все чаще и чаще на правый ездит.

Координировал действия наших войск на этом участке фронта представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков.

И Жуков над тем же вопросом ломает голову. Ездит на Березину, на левый, на правый берег. Все чаще на правый ездит. По болотам в раздумье бродит.

Нужно сказать, что тайно ездят они к болотам. Скрывают свои поездки. Ясно одно: не дают им покоя болота.

И вот здесь неожиданно встретились маршал и генералы.

– Здравия желаем, товарищ маршал, – поприветствовали маршала генералы.

– Здравия желаю, товарищи генералы, – ответил Жуков. Глянул на генералов: – Что же вас сюда привело?

– Да так, – пожали плечами Рокоссовский и Батов, – урвалась минута отдыха. Места здесь сказочные.

Ответили генералы и сами к маршалу:

– Чем обязаны вашим присутствием, товарищ маршал?

– Да так, детство чего-то вспомнил, давно не ходил по болотам, – ответил Жуков.

Глянул Жуков на Рокоссовского, на Батова, глянули Батов и Рокоссовский на Жукова – рассмеялись маршал и генералы. Ясно им, почему они встретились. Ясно каждому, что привело их сюда, в трясину.

– Значит, тревожат болота? – спросил Жуков.

Наступил день начала операции под Бобруйском. Ударил наши войска.

Смотрят фашисты: все верно, все по военной науке – с левого с сухого берега Березины ударили русские. Бросили они все силы сюда на отражение нашего удара. Втянулись войска в сражение. И вдруг:

– Русские с юга!

– Как с юга? Там же трясина, болота, топи!

Все верно. Из болота выходят русские.

Словно лесные призраки, появлялись из болот советские танки и пушки. Удар был стремительным, неожиданным. Пали Паричи. Части пошли к Бобруйску.

Немало потрудились наши военные инженеры и строительные батальоны. До малейшей тонкости все рассчитали, все проверили и перепроверили. Это они проложили здесь гати и настилы, по которым затем прошли советские танки и артиллерия. Это их труд и принес победу.

«Инженерная операция» – так был назван удар под Паричами.

СВЯТОСТЬ

Солдаты принимали военную присягу. Давали клятву на верность Родине. На верность военной тайне.

– Клянусь! – звучали в тиши слова.

Шла операция «Багратион». Первые дни наступления. 77-й гвардейский стрелковый полк 26-й гвардейской стрелковой дивизии прорывал оборону фашистов севернее города Орши.

Вперед вырвался танковый десант. Задание: прорваться в тылы к фашистам.

Десант состоял из добровольцев. Много таких собралось. Молодые бойцы, задорные. Среди десантников был и комсомолец рядовой Юрий Смирнов. Разместились десантники на броне, на танках. Тронулись танки. Прорвались в тыл к фашистам. Пробивались с боем, с огнем, в быстрых, как смерч, атаках. В одной из таких стремительных атак, в районе деревни Шалашино, Юрий Смирнов был тяжело ранен. Притащили фашисты Смирнова в штабной блиндаж.

– Жив? Дышит?

– Дышит.

– Из танкового десанта?

– Так точно.

Фашисты стали допрашивать Юрия Смирнова:

– Из какой части?

– Кто командир?

Комсомолец молчал.

– Цель десанта?

– Сколько людей в отряде?

– Количество танков?

Не отвечает, молчит Смирнов.

– Заговоришь, – процедил офицер. Подал сигнал рукой.

Набросились на русского солдата фашисты. Избили Смирнова. Потерял он сознание.

– Воды! – скомандовал офицер.

Отлили солдаты водой Смирнова. Пришел он в чувство. Открыл глаза. Снова пошли вопросы:

– Комсомолец?

Молчит Смирнов.

– Куда направлялись танки?

Молчит Смирнов.

Опять подал офицер сигнал. Снова били. И снова водой отливали. И снова били.

– Говори! – иступленно кричал офицер. – Говори!

Не дрогнул солдат. Молчал.

Тогда фашисты распяли солдата. Прямо здесь, в блиндаже. Прямо здесь, на стене. Вбили в руки и ноги гвозди.

– Говори! Говори! – кричали фашисты.

Ничего не сказал герой. Остался верен военной присяге.

Быстро развивалось советское наступление. Вступили войска в Шалашино. Ворвались солдаты и в бывший фашистский штабной блиндаж. Увидели стену, на ней Смирнова.

Остановились солдаты. Застыли от ужаса и гнева.

Новые жизни идут на смену. Молодая бушует поросль. Пусть же клятвой звучат слова: верность Отчизне – святость! Верность присяге – святость. Верность тайне военной – святость!

Недалеко от того места, где погиб Юрий Смирнов, ныне герою воздвигнут памятник.

Партизанский приговор

Вильгельм фон Кубе был гаулейтором Белоруссии. Он личный здесь представитель Гитлера. Гаулейтор – значит наместник, начальник края.

Много у Кубе различных дел. Приказы, запросы идут из Берлина. Изучает приказы Кубе. Отвечает на все запросы.

Отвечал. Начинает дела другие. Сам издает приказы, сам рассылает запросы по всей Белоруссии. Ведь старшим он здесь, в Белоруссии. К подчиненным идут приказы.

Отправил приказы, отправил запросы, приступает к новым делам гаулейтор – утверждает приговоры о смертной казни. Все больше кругом непокорных. Сеют фашисты направо, налево смерть. Кубе больше других старается.

Давно он назван палачом Белоруссии. Давно к нему ненависть по всей Белоруссии.

Утвердил приговоры Кубе, утверждает нормы отправки советских людей в Германию. Все больше и больше угоняют фашисты советских людей в Германию. Все больше и больше обирают крестьян фашисты. Грабят они Белоруссию. Грузят в вагоны и хлеб, и масло, и лен, и скот. Увозят к себе в Германию. Кубе и здесь примерен. Сотни и сотни вагонов уходят в Германию.

Масса у Кубе различных дел. С утра и до вечера нет покоя. И только глубокой ночью наступает для Кубе отдых.

Так было и в этот день. Поздний вечер. Закончил Кубе, свернул дела. Принял ванну. Лег. Приятно телу в тепле, в уюте. Провалился в подушки, как рухнул в пропасть.

Спит гаулейтор Кубе. Мерно бегут минуты. Не скрипнут нигде половицы. Тишина и покой кругом. Во сне улыбнулся чему-то Кубе. Мерно бегут минуты. Одна за одной. Одна за

одной. И вдруг – страшный взрыв раздался в кровати под спящим Кубе. Разорвало на мелкие части Кубе.

Незадолго до этого белорусские партизаны судили гаулейтора Кубе своим партизанским судом. Приговорили палача и грабителя к смертной казни.

Уборщицей в доме, в котором жил и работал Кубе, была белорусская женщина Елена Мазаник. Трудилась старательно. Была на хорошем счету у фашистов. Пани Елена называли ее фашисты.

Елена Мазаник была партизанкой. Выполняя приказ партизанского штаба, это она, рискуя жизнью, пронесла через фашистскую охрану и положила мину в кровать гаулейтора Кубе.

Не стало на свете Кубе. Узнав о партизанском, народном суде, сам Гитлер в Берлине вздрогнул.

Баграмян

Одним из фронтов, принимавшим участие в операции «Багратион», командовал генерал Иван Христофорович Баграмян.

Созвучными оказались фамилии генерала кутузовских времен и нашего времени.

Ходят солдаты, играют словами:

– Багра-тион – Багра-мян.

– Багра-мян – Багра-тион.

Приметили солдаты и другие сходства. Оба – генералы. Оба с Кавказа. Оба штурмовые атаки любят.

– Багратион – Баграмян.

– Баграмян – Багратион.

Выполняя замысел операции «Багратион», войска генерала Баграмяна прорывали фашистский фронт севернее города Витебска. Первыми на фашистскую оборону обрушились артиллеристы.

Отстрелялись артиллеристы. Пошла на прорыв пехота. Двинулись танки. Прорвали солдаты фашистскую оборону. Зашагали вперед войска. Готовят артиллеристы свои орудия к новым боям. Подвозят снаряды. Проверяют прицелы. Вдруг подъезжают к орудиям грузовики. Развернулись.

– По машинам! – прошла команда.

Сели артиллеристы.

– Куда это нас? – гадают.

– К генералу Баграмяну.

Тронулись, покатали грузовики. Привезли артиллеристов туда, где только что проходила полоса фашистской обороны. Отлично поработали артиллеристы. Разбиты фашистские укрепления. Стоит генерал Баграмян, смотрит на поле боя, восторгается:

– Мастера! Мастера! Умельцы! – Повернулся к артиллеристам: – Благодарю за отличные стрельбы!

И тут же героям вручил награды.

Рады почету солдаты, наградам рады. Одно стремление у артиллеристов – еще успешнее бить врага.

Прорвали войска генерала Баграмяна фашистскую оборону под Витебском. Пошли стремительно вперед. В это время по фашистам ударил и соседний фронт. Окружили они совместно фашистов, совместно их уничтожили.

Отлично провел генерал Баграмян порученную ему операцию. Шутили потом солдаты, вспоминая бои под Витебском:

– В общей стратегической операции «Багратион» была и наша фронтовая операция «Баграмян».

И снова звенят созвучием:

– Багра-тион – Багра-мян!

– Багра-мян – Багра-тион!

И уточняют.

Совпадение. Точное. И в словах и в делах созвучие.

Иван Христофорович Баграмян окончил войну Героем Советского Союза.

А вскоре после завершения Великой Отечественной войны ему было присвоено воинское звание Маршал Советского Союза.

Лепель

Великими подвигами в борьбе за Родину прославили себя белорусские партизаны. Летом 1944 года в Белоруссии сражалось 150 партизанских бригад, 49 отдельных партизанских отрядов.

Белорусские партизаны совершали смелые налеты на фашистские гарнизоны, взрывали фашистские поезда, освобождали от фашистов села и даже целые районы. В одном из таких освобожденных районов под городом Лепелем, в Лепельской партизанской зоне, насчитывалось более тысячи населенных пунктов.

Лепель, Лепель – страна отважных.

Боялись фашисты этих суровых мест. Косо смотрят на край, на Лепель. И Лепель, и всю округу стороной, как огонь, обходят.

Стоят здесь колхозы.

Сельсоветы везде работают.

Больницы открыты.

Открыты школы.

Отмечают здесь люди советские праздники.

Короче – прежняя власть здесь кругом под Лепелем.

1944 год. Докатилось и сюда советское наступление. Подходят наши войска под Лепель.

– Встречайте! Вернулись! – кричат солдаты жителям. – Конец фашистам! Несем вам, родные, новую власть!

Улыбаются им партизаны:

– Так тут не кончалась Советская власть! Приглашают солдат в сельсоветы, в колхозы, в больницы, в школы.

Стоят здесь колхозы.
Сельсоветы везде работают.
Больницы открыты.
Открыты школы.
Удивляются солдаты:
– Вот это да-а!..
Не могли фашисты поработить Лепель.
Лепель, Лепель – страна отважных!

Хатынь

Солдат Желобкович шагал со всеми. По белорусской земле, по отчему краю идет солдат. Все ближе и ближе к родному дому. Деревня его – Хатынь.

Шагает солдат с друзьями боевыми по роте и говорит о доме:
– Не знаешь Хатыни? Хатынь, брат, лесное чудо!

И начинает солдат рассказ. Деревня стоит на поляне, на взгорке. Лес расступился здесь, солнцу дал волю. Мол, тридцать домов в Хатыни. Разбежались дома по поляне. Колодцы скользнули в землю. Дорога метнулась в ели. И там, где дорога прижалась к лесу, где ели уперлись стволами в небо, на самом бугре, на самом краю Хатыни, он и живет – Иван Желобкович.

И напротив живет Желобкович. И слева живет Желобкович. И справа живет Желобкович. Их, Желобковичей, в этой Хатыни, как скажут, хоть пруд пруди.

Шел воин к своей Хатыни. Дом вспоминал. Тех, кто остался в доме. Жену он оставил. Старуху мать, трехлетнюю дочь Маришку. Шагает солдат, Маришке несет подарок – ленту в ее косичку, ленту красную, как огонь.

Быстро идут войска. Вскоре увидит воин старуху мать. Обнимет старуху мать. Скажет солдат: «Пришел!»

Вскоре увидит солдат жену. Расцелует солдат жену. Скажет солдат: «Пришел!»

На руки возьмет Маришку. Подбросит солдат Маришку. Скажет и ей: «Пришел!»

Вынет солдат гостинец: «На, получай, Маришка!»

Шел воин к своей Хатыни. О друзьях, о соседях думал. Вскоре увидит всех Желобковичей. Увидит Яцкевичей, Рудаков, Мироновичей. Улыбнется солдат Хатыни. Скажет солдат: «Пришел!»

Вышли они к Хатыни. Рядом совсем, в километре от этих мест.

Солдат к командиру. Мол, рядом деревня. Вот тут, мол, овражек, за оврагом лесочек. Прошел лесочек – и вот Хатынь.

Выслушал ротный.

– Ну что же, – сказал, – ступай.

Шагает солдат к Хатыни. Вот и овражек. Вот и лесочек. Вот-вот и избы сейчас покажутся. Сейчас он увидит мать. Сейчас он жену обнимет. Маришке вручит подарок. Подбросит Маришку к солнцу.

Прошел он лесочек. Вышел к поляне. Вышел – и замер. Смотрит, не верит – нет на месте своем Хатыни. На пепелище трубы одни торчат.

Остановился солдат, закричал:

– Где люди?! Где люди?!

Погибли в Хатыни люди. Взрослые, дети, старухи – все.

Явились сюда фашисты.

– Партизаны! – кричат. – Лесные разбойники!

В сарай согнали фашисты жителей. Сожгли всех людей в сарае. Подбежал солдат к отчому дому. Рухнул на пепел. Зарыдал, застонал солдат. Отлетел, выпал из рук гостинец. Затрепетала, забила от ветра лента. Взвилась красным пламенем над землей.

Хатынь не одна. На белорусской земле фашисты много сожгли деревень, много Хатыней было.

Мишка

Солдатам одной из сибирских дивизий в те дни, когда дивизия отправлялась на фронт, земляки подарили маленького медвежонка. Освоился Мишка с солдатской теплушкой. Важно поехал на фронт.

Приехал на фронт Топтыгин. Оказался медвежонок на редкость смышленным. А главное, от рождения характер имел геройский. Не боялся бомбежек. Не забивался в углы при артиллерийских обстрелах. Лишь недовольно урчал, если разрывались снаряды уж очень близко.

Побывал Мишка на Юго-Западном фронте, затем – в составе войск, которые громили фашистов под Сталинградом. Потом какое-то время находился с войсками в тылу, во фронтовом резерве. Потом попал в составе 303-й стрелковой дивизии на Воронежский фронт, затем на Центральный, опять на Воронежский. Был в армиях генералов Манагарова, Черняховского, вновь Манагарова. Подрос медвежонок за это время. В плечах раздался. Бас прорезался. Стала боярской шуба. В боях под Харьковом медведь отличился. На переходах шагал он с обозом в хозяйственной колонне.

Так было и в этот раз. Шли тяжелые, кровопролитные бои. Однажды хозяйственная колонна попала под сильный удар фашистов. Окружили фашисты колонну. Силы неравные, туго нашим. Заняли бойцы оборону. Только слаба оборона. Не уйти бы советским воинам.

Да только вдруг слышат фашисты страшный какой-то рык! «Что бы такое?» – гадают фашисты. Прислушались, присмотрелись.

– Бер! Бер! Медведь! – закричал кто-то.

Верно – поднялся Мишка на задние лапы, зарычал и пошел на фашистов. Не ожидали фашисты, метнулись в сторону. А наши в этот момент ударили. Вырвались из окружения.

Мишка шагал в героях.

– Его бы к награде! – смеялись солдаты.

Получил он награду: тарелку душистого меда. Ел и урчал. Вылизал тарелку до глянца, до блеска. Добавили меда. Снова добавили. Ешь, наедайся, герой Топтыгин!

Вскоре Воронежский фронт был переименован в 1-й Украинский. Вместе с войсками фронта Мишка пошел на Днепр.

Вырос Мишка. Совсем великан. Где же солдатам во время войны возиться с такой громадой. Решили солдаты: в Киев придем – в зоосаде его поселим.

Однако миновала дорога в Киев. Прошла их дивизия стороной. Не остался медведь в зверинце. Даже рады теперь солдаты.

С Украины Мишка попал в Белоруссию. Принимал участие в боях под Бобруйском, затем оказался в армии, которая шла к Беловежской Пуще.

Беловежская Пуца – рай для зверей и птиц. Лучшее место на всей планете. Решили солдаты: вот где оставим Мишку.

– Верно: под сосны его. Под ели.

– Вот где ему раздолье.

Освободили наши войска район Беловежской Пущи. И вот наступил час разлуки. Стоят бойцы и медведь на лесной поляне.

– Прощай, Топтыгин!

– Гуляй на воле!

– Живи, заводи семейство!

Постоял на поляне Мишка. На задние лапы поднялся. Посмотрел на зеленые гущи. Носом запахом лесной втянул.

Пошел он валкой походкой в лес. С лапы на лапу. С лапы на лапу. Смотрят солдаты вслед:

– Будь счастлив, Михаил Михалыч!

И вдруг страшный взрыв прогремел на поляне. Побежали солдаты на взрыв – мертв, недвижим Топтыгин.

Наступил медведь на фашистскую мину. Проверили – много их в Беловежской Пуще.

Ушла война дальше на запад.

Но долго еще подрывались здесь, в Беловежской Пуще, на минах и кабаны, и красавцы лоси, и великаны зубры.

Шагает война без жалости.

Нет у войны усталости.

Доложить!

Граница, граница – черта священная. Ворота родной земли. Сколько мечтали о ней солдаты. Представляли в снах, в походах. И вот рядом совсем граница. Завершая операцию «Багратион», подходили солдаты к советской границе.

Спорят солдаты, кто первым к границе выйдет. Чей фронт, дивизия, полк, чья рота. Каждый стремится быстрее к границе. И кто-то ведь будет первым.

Представляют солдаты того, кто первым исполнит великий сыновний долг:

- Будет плечистый!
- Будет высокий!
- Молод, как утро, будет!
- Будут медали висеть на груди у героя!

Двигутся вперед войска. Все ближе граница, ближе. И вот впереди граница – священный рубеж страны. Устремились вперед солдаты.

– Ура! – победно гремит над полем.

Считают бойцы последние метры. Вдруг видят – рядом бежит солдат. Всмотрелись бойцы – тот самый. Молод, плечист, высок. На груди две медали огнем сверкают.

- Он, – пронеслось по рядам.
- Он – молодой, тот самый!

Несется солдат вперед, в атаке, в лихом порыве. Вот тридцать метров осталось, вот двадцать, двенадцать, пять.

Шаг.

Еще шаг.

Еще шаг.

Последний победный шаг!

Вышел солдат к границе.

Озарилось улыбкой лицо солдата. Машет рукой другим. Слышат солдаты – кричит солдат:

– Прошу доложить... Прошу доложить... Родине доложить...

Все громче слова, все громче. Громом победным летят над полем:

– Доложить!..

– Доложить!..

– Доложить!..

– Родине доложить – вышел солдат к границе!

Граница, граница – черта священная. Ворота родной земли.

Фаталисты

Это был необыкновенный марш – марш фашистов по улицам Москвы.

17 июля 1944 года. Идут фашисты. Шагает за рядом ряд.

Идут рядовые.

Идут офицеры.

Идут генералы.

Солнце написало дугу по небу. А они все идут и идут.

Идут генералы. Мечтали они о Москве. Еще в 1941 году дали фашистские генералы клятву вступить в Москву. Рухнули тогда мечты генеральские. Битыми были они под Москвой.

– Ничего, ничего, – успокаивали генералы друг друга. – Мы – фаталисты! – Фаталист – это тот, кто упрямо верит в свою судьбу. – Быть нам в Москве. Непременно быть.

Наступило лето 1942 года. Снова успех на стороне фашистов. Подошли к Сталинграду, к берегу Волги.

Торжествуют фашисты:

– Вот он, великий час. Еще нажим – и наш Сталинград. А за ним и Москва непременно наша.

Не получился у них нажим. Зажали, пленили фашистов тогда у Волги.

– Ничего, ничего, – успокаивают вновь друг друга фашистские генералы. – Мы – фаталисты! Мы – фаталисты! Быть нам с победой. Пройдем по Москве в колоннах.

1943 год. Начали фашисты сражение под Курском.

– Вот он, победы час! Вот он, конец России!

И верно, грянул победы час. Только нашей, советской победы. Вновь разбиты в боях фашисты.

Однако упрямы фашистские генералы. Снова твердят свое:

– Мы – фаталисты! Мы – фаталисты!

Оказались они фаталистами. Свершилось – о чем мечтали. Побывали они в Москве.

1944 год. 17 июля. По улицам Москвы под конвоем советских солдат идут и идут фашисты. Много их – 57 с лишним тысяч. Это только те и только часть тех, кто был пленен советскими войсками во время операции «Багратион». Позорным шагом идут фашисты.

Идут рядовые.

Идут офицеры.

Идут генералы.

Идут час.

Идут два.

Идут три.

Шагают, идут фаталисты. Торжествует кругом Москва.

Памятный день

Гюльчара и Каюм, Разия и Назир – родные братья и сестры. Большая у них семья, большая и дружная.

Любят ребята слушать московское радио. Особенно вечером. Особенно в те дни, когда по радио передают сообщения о наших победах, а затем звучат салюты в честь воинов-победителей.

Все чаще теперь салюты. Гремел он и в тот вечер. В честь освободителей города Львова! – Львов освободили! Львов освободили! – закричали Гюльчара и Каюм, Разия и Назир. Помчались быстрее к матери, к бабушке, к бабушке: – Взяли Львов!

Радость в семействе у всех огромная. Под украинским городом Львовом отец Гюльчары, Каюма, Разии и Назира сражался.

– Ура! – дружно кричат ребята. Слушают радио. В честь отца ведь гремит салют. Отгремели, отпылали в Москве салюты. Стало московское небо снова обычным небом. И вдруг новый салют объявлен.

– Даугавпилс освободили! Даугавпилс освободили! – кричат ребята.

Снова в доме радость у всех огромная. Именно там, на берегах Даугавы, за свободу Латвии сражался старший брат Гюльчары и Каюма, Разии и Назира – отважный боец Хаким.

– Ура! – несутся детские голоса. Слушают радио. В честь брата Хакима салют гремит. Отгремели, отпылали в выси над Москвой салюты.

Только успокоились ребята. Радость едва пережили. Как вдруг! Что такое? По радио новый салют объявлен. Третий за этот день.

– Станислав освободили! Станислав освободили! – кричат Гюльчхара и Каюм, Разия и Назир. Мчатся снова к матери, к бабушке, к дедушке: – Станислав!

Станислав – это областной город в Западной Украине. Сейчас этот город в честь украинского писателя Ивана Франко называется Ивано-Франковск.

И снова радость у всех огромная. Под Станиславом в армии генерала Андрея Антоновича Гречко сражался родной дядя Гюльчхары и Каюма, Разии и Назира – храбрый танкист Рахмат.

– Ура! – снова кричат ребята. Слушают радио. В честь дяди Рахмата салют над Москвой гремит.

Отпылали, отгремели в Москве салюты.

Расшумелись ребята. Заговорили о танках, о дяде:

– Три салюта – вот это да!

Успокоились дети. И вдруг снова слышат по радио голос: «Говорит Москва...» Притихли ребята, и вот новый салют объявлен. Четвертый за этот день. Салют в честь освободителей города Шяуляя (Шяуляй – это город в Литве).

– Шяуляй освободили! Шяуляй освободили! – кричат ребята.

И снова в доме радость у всех огромная.

Под Шяуляем у Гюльчхары и Каюма, Разии и Назира сражалась родная тетя – отважная медсестра Зульфия.

– Ура! – снова кричат ребята. Слушают радио. Гремит над Москвой салют. Это в честь тети Зульфии гремит над Москвой салют.

Смолкли салюты.

– Вот это да! Четыре салюта! – сказали Гюльчхара и Каюм.

– Четыре салюта. Вот это да! – Разия и Назир сказали.

Не бывало такого – четыре салюта сразу.

Счастливы дети. Отправились спать. Вот ведь день какой им сегодня выдался. Утомились Гюльчхара и Каюм, Разия и Назир. Легли. Глаза закрыли. В момент уснули.

А утром узнали – был пятый еще салют. Сожалели ребята, что этот салют проспали. Конечно, жалко. Не повторилось такое больше – чтобы в день и сразу бы пять салютов.

Было это 27 июля 1944 года. Вот ведь какой сверхпобедный день!

Жало

Наши войска освобождали Молдавию. Оттеснили фашистов за Днепр, за Реут. Взяли Флорешты, Тирасполь, Оргеев. Подошли к столице Молдавии городу Кишиневу.

Тут наступали сразу два наших фронта – 2-й Украинский и 3-й Украинский. Под Кишиневом советские войска должны были окружить большую фашистскую группировку. Выполняют фронты указания Ставки. Севернее и западнее Кишинева наступает 2-й Украинский фронт. Восточнее и южнее – 3-й Украинский фронт. Генералы Малиновский и Толбухин стояли во главе фронтов.

– Федор Иванович, – звонит генерал Малиновский генералу Толбухину, – как развивается наступление?

– Все идет по плану, Родион Яковлевич, – отвечает генералу Малиновскому генерал Толбухин.

Шагают вперед войска. Обходят они противника. Сжимать начинают «клещи».

– Родион Яковлевич, – звонит генерал Толбухин генералу Малиновскому, – как развивается окружение?

– Нормально идет окружение, Федор Иванович, – отвечает генерал Малиновский генералу Толбухину и уточняет: – Точно по плану, в точные сроки.

И вот сомкнулись гигантские «клещи». В огромном «мешке» под Кишиневом оказалось 18 фашистских дивизий. Приступили наши войска к разгрому попавших в «мешок» фашистов.

Довольны советские солдаты:

– Снова капканом прихлопнут зверь.

Пошли разговоры – не страшен теперь фашист, бери хоть руками голыми.

Однако солдат Игошин другого держался мнения:

– Фашист есть фашист. Змеиный характер и есть змеиный. Волк и в капкане – волк.
Смеются солдаты:

– Так это было в какое время.

– Нынче другая цена фашисту.

– Фашист есть фашист, – опять о своем Игошин.

Вот ведь характер вредный!

Все труднее в «мешке» фашистам. Стали они сдаваться в плен. Сдавались они и на участке 68-й гвардейской стрелковой дивизии. В одном из ее батальонов и служил Игошин.

Группа фашистов вышла из леса. Все как положено: руки кверху, над группой выброшен белый флаг.

Ясно – идут сдаваться.

Оживились солдаты, кричат фашистам:

– Просим, просим. Давно пора.

Повернулись солдаты к Игошину:

– Ну чем же фашист твой страшен?

Толпятся солдаты, на фашистов, идущих сдаваться, смотрят. Есть новички в батальоне. Впервые фашистов так близко видят. И им, новичкам, тоже совсем не страшны фашисты – вот ведь, идут сдаваться.

Все ближе фашисты, ближе. Ближе совсем. И вдруг автоматная грянула очередь. Стали стрелять фашисты.

Полегло бы немало наших. Да спасибо Игошину: держал оружие наготове. Сразу ответный открыл огонь. Потом помогли другие.

Отгремела пальба на поле. Подошли солдаты к Игошину:

– Спасибо, брат. А фашист, смотри, со змеиным, и вправду, выходит, жалом.

Немало хлопот доставил Кишиневский «котел» нашим солдатам. Метались фашисты. Бросались в разные стороны. Шли на обман, на подлость. Пытались уйти. Но тщетно. Зажали их богатырской рукой солдаты. Зажали. Сдавили. Змеиное жало вырвали.

Полный кавалер

Советские войска продвигались в Прибалтику. Три года находились Латвия, Литва и Эстония под игом фашистов. Летом 1944 года началось освобождение Прибалтийских республик. Особенно упорные бои развернулись на территории Латвии при форсировании реки Айвиексте. Тут сражался и 130-й стрелковый корпус.

Один из боев разгорелся у селения Виэталва. Шла артиллерийская перестрелка. Советские пушки били точно. Снаряды взрывались прямо в фашистских окопах, громили фашистские батареи, накрывали фашистские танки.

Передвинули фашисты танки и пушки, сменили позиции. Прошла минута, вторая. И снова здесь рвутся советские снаряды, снова точно ложатся в цель.

Ясно фашистам: кто-то корректирует, то есть направляет, огонь советских артиллеристов. Видимо, где-то укрылся наблюдатель. Он и наводит огонь на цели.

В селении Виэталва стояла церковь. Высоко в небо поднялась ее колокольня. Церковь находилась на «ничейной» территории, как раз посередине между нашими и фашистскими окопами. К ней-то и пробрался незаметно старшина из 123-го гвардейского полка 43-й гвардейской латышской дивизии Ян Розе. Поднялся на колокольню. Хорошо с высоты, с колокольни, видно. Отсюда Розе по радио и подавал сигналы нашим артиллеристам.

Заподозрили фашисты, что на колокольне находится советский корректировщик, открыли огонь по церкви.

Сидят наши бойцы в окопах, следят за огнем фашистов.

– Выкурят они его, – сказал кто-то из наших бойцов.

– Ну это еще посмотрим, – кто-то второй ответил. – Тут кто кого – это еще вопрос. Нужно знать нашего Яна...

И верно. Хитро поступал Розе. Начнут фашисты артиллерийский обстрел колокольни – спускается вниз с колокольни на землю. Закончат фашисты обстрел – вновь поднимается на колокольню.

Снова обстрел – снова спешит на землю. Отстрелялись фашисты – опять там, на высоте, с передатчиком в руках Ян Розе. Пять дней длился бой под селением Виэталва. Пять дней и ночей не покидал свой пост отважный старшина.

Отступили фашисты на пятый день.

– Ну, кто кого выкурил? – пошли голоса.

– Ян! Ян! – усмехались бойцы. – Ян Розе. Стрелки латышские.

Многие бойцы 43-й гвардейской латышской дивизии были награждены орденами за бои у реки Айвиекте. Награжден был и Ян Розе. Орденом Славы. Не первый раз отличился в бою Ян Розе. Это был не первый, а третий его орден Славы. Три ордена Славы – предел. Больше у одного человека их не бывает. Орден Славы имеет три степени: третью, вторую и первую. Ян Розе был награжден орденами всех трех степеней, то есть стал полным кавалером этого почетного солдатского ордена.

Бои за Прибалтику длились до глубокой осени.

22 сентября 1944 года Красное Знамя взвилось над столицей Эстонии городом Таллином. 13 октября советские войска освободили столицу Латвии город Ригу. А еще раньше, 13 июля, во время операции «Багратион» был освобожден город Вильнюс – столица Литовской Республики.

Почти над всей территорией Прибалтики теперь реяло Знамя свободы.

Море справа, горы слева

Крайний советский Север. Кольский полуостров. Баренцево море. Полярный круг. И тут, за Полярным кругом, идут бои. Бьется Карельский фронт.

Если стать здесь лицом на запад – слева горы, справа море. Там дальше, за линией фронта, лежит государство Норвегия. Захватили фашисты страну Норвегию.

В 1941 году фашисты ворвались в советское Заполярье. Они пытались захватить город Мурманск – наш самый северный морской порт.

Не пропустили фашистов к Мурманску наши войска. Мурманск не только самый северный порт, это незамерзающий порт на Севере. Круглый год, и летом и зимой, могут сюда приходить корабли. Через Мурманск морем поступали к нам важные военные грузы. Вот почему для фашистов так важен Мурманск. Рвались фашисты, но не прорвались. Удержали наши герои Мурманск. И вот теперь настало время и здесь разгромить фашистов.

Места тут для боя на редкость сложные. Горы. Утесы. Скалы. Море вечно стучит о берег. Ветер сбивает с ног. По горным обрывам и тропам разве только олень пройдет.

Стояла осень. Был октябрь месяц. Вот-вот – и наступит длинная полярная ночь.

Готовясь к разгрому врагов на Севере, командующий Карельским фронтом генерал армии Кирилл Афанасьевич Мерецков обратился в Ставку Верховного Главнокомандования в Москву с просьбой выделить для фронта тяжелые танки КВ. Броня у них толстая, прочная, мощное вооружение. КВ – хорошие грозные танки. Однако к этому времени они устарели.

Просит генерал Мерецков в Ставке КВ, а ему говорят:

– Зачем же КВ. Мы вам выделим более совершенные.

– Нет, прошу КВ, – говорит Мерецков.

Удивились в Ставке:

– Да зачем же КВ на Севере? Там во многих местах лишь олень пройдет.

– Где олень пройдет, там пройдут и советские танки, – отвечает Мерецков. – Прошу КВ.

– Ну что ж, смотрите – ведь вы же командующий!

Получил фронт эти танки.

Фашисты на Крайний Север не завозили танков.

«Горы, утесы, скалы. Где здесь возиться с тяжелыми танками», – рассуждали они.

И вдруг появились советские танки, к тому же КВ.

– Танки?! – недоумевают фашисты. – КВ? Что такое! Как? Почему? Откуда?! Тут ведь только олень пройдет!

Двинулись на фашистов советские танки.

7 октября 1944 года наступление советских войск на Крайнем Севере началось. Быстро прорвали наши войска фашистскую оборону. Прорвали, пошли вперед.

Конечно, не только танки здесь главную роль сыграли. Атака шла с суши. Атака шла с моря. Слева – пехота, справа действовал Северный флот. С воздуха били советские летчики. В общем ряду здесь сражались и моряки, и пехотинцы, и танкисты, и авиаторы. Общей была победа. Освобожден от фашистов советский Север.

Шагает, шагает, шагает время. Не в пользу фашистов часы отсчитывают его. Боями за освобождение советского Заполярья завершился год 1944-й – боевой и решающий. Приблизился 1945-й – победный год.

